

Религиозная безопасность в Кыргызской Республике

Эмиль Насритдинов и Нургуль Эсенаманова

Бишкек, Кыргызская Республика

2014

Оглавление

РЕЗЮМЕ	2
ОБ АВТОРАХ	2
ГЛАВА 1: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	3
ГЛАВА 2: ВОСПРИЯТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ	15
ГЛАВА 3: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА	27
Ситуация в КР	27
Государственная политика в религиозной сфере.....	29
Религия, политика и геополитика	35
Основные религиозные влияния.....	37
Турция.....	38
Саудовская Аравия и Сирия.....	39
Иран.....	40
Западные протестантские церкви	41
Индийский полуостров	43
ГЛАВА 5: ТАБЛИГ ЖАМААТ В КЫРГЫЗСТАНЕ	46
Структура движения.....	46
Принцип невмешательства в политику	48
Таблиг Жамаат и социум.....	50
Кыргызстанский дават в международном контексте	54
Таблиг Жамаат и безопасность в Кыргызстане.....	55
ГЛАВА 6: ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	58
Выводы	58
Рекомендации	60
БИБЛИОГРАФИЯ	63

Авторы исследования «Религиозная безопасность в Кыргызской Республике» используют политологические, социологические и антропологические методы для изучения ситуации с рисками и угрозами в сфере религиозной безопасности в Республике Кыргызстан. Структура исследования отражает три исследовательских метода: первая глава посвящена обзору отечественной и мировой литературе, во второй главе представлены результаты социологического опроса населения г. Бишкек, в третьей главе – результаты опроса мнений кыргызских экспертов, четвертая глава представляет многолетние наработки одного из авторов по исследованиям движения Таблиг Жамаат, в пятой главе представлены общие выводы и рекомендации.

Ключевые выводы и рекомендации:

- Ситуация в сфере религиозной ситуации в Кыргызской Республике является сложной и многогранной. Существует развитое и активное религиозное сообщество, для которого характерна атмосфера здорового плюрализма. В то же время, отсутствует противостояние между религиозным сообществом и государством. Однако, дальнейшее развитие напрямую зависит от государственной политики в сфере религии.
- Несмотря на некоторые пробелы и недоработки, государственная политика в отношении религии в целом оценивается положительно.
- Правительству Кыргызской Республики необходимо сохранить уникальность своей демократической модели государственности в отношении религии и конструктивно использовать позитив, наработанный за годы независимости.
- Для предотвращения радикализации религиозного населения и дальнейшему росту протестных настроений необходимо искать пути сотрудничества между государством и религиозным сообществом.

Об Авторах

Эмиль Насритдинов, PhD, - доцент кафедры антропологии Американского Университета Центральной Азии.

Нургуль Эсенаманова – и. о. доцента, кандидат политических наук кафедры философии и социально-гуманитарных наук Кыргызской государственной юридической академии.

Глава 1: Обзор современной литературы

Центральная Азия – регион очень разнообразный, хотя и с общей историей. Постсоветские траектории в политическом, экономическом, социальном и культурном полях оказались для Центральноазиатских республик очень разными. Ситуация с развитием религии также сильно различается, особенно в Кыргызстане. В связи с общим курсом на демократию, обозначенную президентом Акаевым, в Кыргызстане с начала 90-х годов было больше пространства для религиозных идеологий и практик, и количество религиозных конфессий сегодня намного значительней, чем в большинстве других стран постсоветского пространства. Респонденты британского исследователя Матаиса Пелкманса – представители протестантских церквей – считают Кыргызстан «самой открытой мусульманской страной»¹.

В связи с намечающимся выводом войск из Афганистана, мировое сообщество, а также правительства стран Центральной Азии озабочены возможными вариантами развития событий в регионе. Другим важным событием является прекращение в 2014 году работы Центра транзитных перевозок Ганси, служащего базой для американских военных сил. Кроме того, Кыргызстан рассматривает возможность вступления в Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, что подразумевает больше, чем просто сотрудничество в экономической сфере и сфере торговли, но также и общее поле безопасности. Учитывая, что политика в отношении религии в Кыргызстане отличается от соседних стран, многих аналитиков интересует, как данная политика отражается на религиозной безопасности и рисках, связанных с религиозным экстремизмом, а также как должна формироваться политика безопасности в связи с указанными выше региональными изменениями.

Однако прежде чем приступать к анализу ситуации в Кыргызстане, необходимо задуматься о самой природе таких понятий как религиозная безопасность и ассоциируемых терминов: экстремизм, фундаментализм, официальный/неофициальный ислам и т.д. Ведущий российский антрополог Сергей Абашин² ссылается на таких известных мыслителей как Саид, ДеВиз и Бурдые, критикующих такие упрощённые категории как «запад/восток», «светскость/ислам», противопоставляемые друг другу и репродуцирующие конфликт. Современный

---

¹ *Mathjis Pelkmans*. «'Culture' as a tool and an obstacle: missionary encounters in post-Soviet Kyrgyzstan»// Journal of the Royal Anthropological Institute, Vol. 13, Issue 4, December 2007, pp. 881-899.

² *Sergei Abashin*. «The Logic of Islamic Practice: a religious conflict in Central Asia»// Central Asian Survey, Vol. 25, Issue 3, 2006, pp. 267-286.

дискурс безопасности основан именно на таких дихотомиях и биполярных упрощениях, зачастую представляющих ситуацию в регионе в чёрно-белых тонах. Например, традиционный, умеренный, национальный ислам видится правительством как позитивный и безопасный, и противопоставляется фундаментальному, радикальному, политическому, соответственно опасному исламу. Упрощёнными категориями легче оперировать, однако они не отражают всю сложность ситуации в стране. Реальный контекст намного сложнее и запутаннее, особенно на уровне сообществ. Упрощённый подход не только не решит проблемы, а наоборот может её усугубить.

Религия не существует сама по себе. Британская исследовательница Фериде Хейат³ похожа в своём мнении на многих других аналитиков в регионе, видящих рост интереса к религии в первую очередь как реакцию на кризис переходного периода, приведшего к безработице, массовой бедности, миграции, коррупции, росту проституции, алкоголизма и потребления наркотиков, распространению ВИЧ инфекции, и т.д. В таком контексте религия предлагает своего рода социальную терапию, улучшение морального здоровья и практическую помощь для людей, потерявших смысл жизни. Пелкманс⁴ например, показывает, как протестантские течения становятся популярными среди одиноких разведённых женщин и малоимущих слоёв населения, ищущих социальную поддержку.

К тому же, религия тесно взаимосвязана с местными политическими, родственными и экономическими отношениями и борьбой за символические и экономические ресурсы. Дэйвид Монтгомери и Джон Хэдершоу⁵ предлагают, что и в таджикской гражданской войне, и в Андижанских событиях, и в беспорядках в Кыргызстане ислам был только вторичным фактором, используемым различными силами в своих вовсе нерелигиозных целях. Узбекский ученый Алишер Хамидов⁶ объясняет, что в основе религиозного конфликта произошедшего в 2008 году в Ноокате также была не политическая деятельность радикально настроенных исламистских групп, а слабые связи между тремя институтами: центральной властью в Бишкеке, местной администрацией в Ноокате и лидерами местных общин. Автор

---

³ *Farideh Heyat*. «Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new woverty and the moral dimension»// *Central Asian Survey*, Vol. 23, Issue 2-4, 2004, pp. 275-287.

⁴ *Pelkmans, Mathjis*. «Asymmetries on the 'religious market' in Kyrgyzstan», in *Hann, Chris* (ed.) *The Postsocialist Religious Question: Faith and Power in Central Asia and East-Central Europe*, Lit Verlag, Berlin, 2006, pp. 29-46.

⁵ *Montgomery, D. and Heathershaw, J.* «*Islam, Secularism and Danger: A Reconsideration of the Link between Religiosity, Radicalism, and rebellion in Central Asia*», unpublished paper.

⁶ *Alisher Khamidov*. «The Lessons of the 'Nookat events': central government, local officials and religious protests in Kyrgyzstan»// *Central Asian Survey*, Vol. 32, Issue 2, 2013, pp. 148-160.

приходит к выводу, что общественные традиционные институты (такие как махалы), местные религиозные лидеры (игравшие важную роль мостиков с государством ещё в советское время), и родственные и соседские отношения играют важную позитивную роль в предотвращении и эффективном разрешении конфликтных ситуаций.

События 11 сентября 2001 года в США и следующая за ними «война с терроризмом» привели к автоматическому построению дискурса об исламе в следующей цепочке: *религиозность* → *радикализм* → *оппозиция государству*. Дискурс о безопасности по всему миру сегодня используется как «страшилка», оправдывающая критику мусульманских сообществ. Особенно сильную роль в раздутии темы религиозной безопасности играют средства массовой информации. Анализ статей в кыргызстанских средствах массовой информации, проведённый Монгомери и Хэдэршоу, показывает, что четверть всех статей об исламе были связаны с экстремизмом, что абсолютно диспропорционально реальным событиям, связанным с исламом. Таким образом СМИ репродуцируют стереотипы и ярлыки. Аналитические проекты относятся к вопросу более серьёзно, однако и в них, аналитики часто берут вопросы экстремизма как данное и как начальную точку для анализа.

В своих исследованиях Монтомери и Хэдэршоу проверяют, насколько стереотипы, ассоциирующие ислам с опасностью, соответствуют действительности и приходят к выводу, что хотя ислам и включает в себя политический компонент, в Кыргызстане такой опасности не существует. Они де-конструируют восемь мифов об исламе в Кыргызстане, связывающих его с радикализацией, с политизацией, с вызовом государству, со связью с глобальными террористическими организациями, и с анти-светскостью. Авторы показывают, что для абсолютного большинства кыргызстанцев, ислам является моральной, а не политической основой; что годы беспорядков в Кыргызстане не привели к формированию радикальных групп; что джихадизм в других регионах мира является в большей степени результатом борьбы за власть различных сил, имеющих мало общего с религией; что на индивидуальном уровне люди почти не знакомы с глобальными идеями и лидерами; и что подавляющее большинство практикующих мусульман в Кыргызстане поддерживают светскость государства. Они анализируют, как стереотипы о религии диспропорционально строятся на восприятии небольшого количества радикально настроенных аутсайдеров мусульманского сообщества, в то время как все остальные течения бросаются вместе с этими аутсайдерами в «одну кучу» как оппоненты государства.

Чтобы описать реальную ситуацию, Монтгомери⁷ предлагает, что политическую рамку нужно дополнять этнографической. Это поможет понять, как формируются дискурсы и практики радикализма на местном уровне. На примере трёх персонажей представляющих Хизб ут-Тахрир, традиционный ислам и современный нерелигиозный тип, автор показывает, что вместо того, чтобы рассматривать границы между ними как разделяющие, полезнее видеть их как общую территорию – сложную, гибкую и социально навигируемую среду, которые они обживают в ежедневном общении. Это позволит отойти от стереотипов и ярлыков, представляющих искусственно созданные артефакты и имеющих мало общего с реальностью.

Факт того, что реальность намного сложнее стереотипов доказывают многие исследования. Историки Рой и Вайнер⁸ проводят статистический анализ исламской практики в Центральной Азии и приходят к заключению, что ислам в регионе очень многогранен и постоянно изменяется. К похожему выводу приходит и Гончен Тазмини⁹, исследователь в Университете Лондона: в Центральной Азии существует огромное разнообразие мусульманских практик и это приводит к отсутствию солидарности, которая была бы необходима для объединённого политического движения против властей. Однако, по ее мнению, ислам может стать радикальным, если режимы будут усиливать репрессии и экономическая ситуация будет ухудшаться. Автор считает, что радикализации ислама можно избежать путём предоставления мусульманским течениям права легитимного политического участия.

В то же время, религия является только одним из многих факторов формирующих современную идентичность в кыргызском обществе. Так немецкий исследователь Стефан Кирмсе¹⁰ пишет о влиянии глобализации на молодёжь в г. Ош и описывает его не как гибридизацию или параллельное развитие глобального и местного, а как бри-коллаж из фрагментов идентичности, формирующейся из западной, исламской, христианской, голливудской и русской культур. Основным же всё-таки остаётся влияние этнической принадлежности. Интересно, что все эти виды идентичности не находятся в конфликте друг с другом. Они существуют как различные варианты доступные для выбора на «рынке» стилей и идентичностей.

---

⁷ David W. Montgomery. «Towards a theory of the rough ground: merging the policy and ethnographic frames of religion in the Kyrgyz Republic»//Religion, State and Society, Vol. 42, Issue 1, 2014, pp. 23-45.

⁸ Yaacov Ro'i and Alon Wainer. «Muslim identity and Islamic practice in post-Soviet Central Asia»// Central Asian Survey, Vol. 28, Issue 3, 2009, pp. 303-322.

⁹ Ghonchen Tazmini. «The Islamic revival in Central Asia: a potent force or a misconception?»// Central Asian Survey, Vol. 20, Issue 1, 2010, pp. 63-83.

¹⁰ Stefan B. Kirmse. «In the marketplace for styles and identities: globalization and youth culture in southern Kyrgyzstan»// Central Asian Survey, Vol. 29, Issue 4, 2010, pp. 389-403.

Идею рынка также развивает в своём исследовании Матаис Пелкманс¹¹. Он критикует идею свободного религиозного рынка и говорит, что как принципы либерализации экономики и свободного экономического рынка в Кыргызстане за 20 лет не принесли результатов, также и принцип свободы на рынке религиозных идей не создаёт равных возможностей для всех конфессий. Он объясняет, что рынок не является саморегулирующим механизмом, так как действует в глобальном контексте, и больше всех в таких условиях преуспевают западные евангелистские церкви, которые проповедуют индивидуальный успех и материальное благополучие и которые имеют сильную поддержку извне: финансовую и кадровую. Это приводит к асимметрии религиозного рынка и росту новых религиозных течений, зачастую за счёт традиционных конфессий.

Рост влияния новых христианских миссионерских течений часто портретируется аналитиками как проблема безопасности, так как это ведёт к конфликтам в сообществах. Хотя данный вопрос поднимался не раз на уровне правительства, и были введены ограничения на их деятельность, евангелистские церкви, по утверждению Пелкманса, продолжают процветать, так как основной фокус репрессивных государственных мер направлен всё же против мусульманских организаций и течений.

В самом Кыргызстане дискурс о деятельности евангелистских организаций более критичен. Наиболее остро этот вопрос стоит в отношении сект, в которых люди меняют религию. Этот вопрос весьма сложный и вызывает неоднозначную реакцию в обществе. Одна часть, в которую входят представители исламской и православной конфессий, национал-патриоты и «государственники», требует запретить прозелитическую деятельность новых религиозных объединений, основываясь на идее существования «родной», «этнической», «отцовской» религии и необходимости придерживаться только её¹². Другая – в основном правозащитники, либерально настроенные политики и представители новых религиозных объединений, ставят во главу угла принцип «свободы совести» и возможность человеку самому выбирать для себя веру¹³.

---

¹¹ *Pelkmans, Mathjis*. «Asymmetries on the 'religious market' in Kyrgyzstan», in *Hann, Chris* (ed.) *The Postsocialist Religious Question: Faith and Power in Central Asia and East-Central Europe*, Lit Verlag, Berlin, 2006, pp. 29-46.

¹² *Шайбекова Ж.* «Религия в Кыргызстане: путь к духовности или угроза экстремизма? (обзор)»//АКИpress, 30 ноября 2009 г. (<http://kg.akipress.org/news:146831>).

¹³ Обзор соблюдения свободы вероисповедания в Кыргызской Республике/Под ред. А. Алишевой. – Б.; 2013. – С. 5.

Критики прозелитизма отмечают, что появилась реальная угроза расчленения страны по идейному и конфессиональному признаку. В частности, проблемы возникают при захоронении умерших новообращенных. «Кыргызов-христиан порой отказываются хоронить на мусульманских кладбищах и не принимают на христианских», - заявляет президент прогрессивного общественного объединения женщин "Хадисы" Салтанат Мусуралиева. Согласно Назире Курбановой, доценту кафедры религиоведения Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева, в Кыргызстане поменяли свою веру от 15 до 30 тыс. кыргызов¹⁴. Председатель Комитета по образованию, науке, культуре и спорту Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Каныбек Осмоналиев считает, что кыргызы составляют 45% из общего количества прозелитов и из них 70-80% - это молодежь до 30 лет. Это приводит к внутрисемейным конфликтам. По его мнению, если

«... в семье отец мусульманин, дочь баптистка, а сын пятидесятник или еще кто... [это] наносит брешь вековым традициям кыргызской семьи и вообще кыргызстанцев. Если сейчас кыргызы делятся на южных и северных, то лет через 20 может образоваться деление на кыргызов-мусульман и кыргызов-христиан¹⁵.»

В этой связи он считает недостаточной работу Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК), потому что более эффективная его деятельность могла бы снять ряд имеющихся в этом плане проблем.

Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Дамира Ниязалиева, напротив, не видит плохого в переходе людей из одной веры в другую, так как каждый имеет полное право придерживаться тех или иных воззрений и обладает свободой в выборе, главное, чтобы это не мешало и не унижало права других людей¹⁶.

В другой статье МакБрайан и Пелкманс¹⁷ описывают современную ситуацию в Кыргызстане как новую «Большую игру», только в этот раз – игру за души. И христианские и мусульманские организации борются за влияние в регионе. И те и другие находятся по другую сторону от секуляристов – категоричных сторонников светскости. Последние представляют из себя интересный феномен – «атеисты

---

¹⁴ «В Кыргызстане остается сложной религиозная ситуация; чуждая идеология активно внедряется под видом религиозных движений – Жумабаев»//КирТАГ Кыргызское телеграфное агентство, 13 марта 2013 г. (<http://www.kyrtag.kg/popular-news/detail.php?ID=106228>).

¹⁵ Шайбекова Ж. «Религия в Кыргызстане: путь к духовности или угроза экстремизма? (обзор)»//АКИпресс, 30 ноября 2009 г. (<http://kg.akipress.org/news:146831>).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *McBrien, J., and Pelkmans, M.* «Turning Marx on his head: missionaries, 'extremists' and archaic secularists in post-Soviet Kyrgyzstan»// Critique of Anthropology, Vol. 28, Issue 1, 2008, pp. 87-103.

мусульмане», которые не следуют религиозным заветам и зачастую не верят в бога, но считают себя мусульманами по этнической принадлежности и участвуют в традиционных исламских церемониях, сохранившихся ещё в советское период. Это категория обычно включает в себя людей старшего возраста, выросших в советское время. МакБрайан и Пелкманс показывают, что секуляристы, пытаясь объяснить для себя причины популярности ислама и христианства, навешивают ярлыки экстремизма в отношении первых и финансовую поддержку в отношении вторых. Они утверждают, что все новоявленные практикующие мусульмане являются «загипнотизированными радикалами вахабистами», которые получают деньги за своё вовлечение и заставляют своих женщин носить хиджаб. Членов протестантских церквей они считают людьми, «продавшими души» иностранцам христианам за деньги. Согласно авторам, такое критическое отношение и нежелание видеть новую религиозную практику как результат жизненного поиска на самом деле является для них защитным психологическим механизмом, оправдывающим их собственное нежелание меняться. На житейском уровне такие видения усиливают и репродуцируют стереотипы, созданные СМИ, и тем самым добавляют масла в огонь вопросов религиозной безопасности в Кыргызстане.

Вышеописанные примеры показывают, что ситуация с религиозной безопасностью в Кыргызстане очень сложная и многогранная. Какой должна быть государственная политика, чтобы эффективно ответить на существующие вызовы? Джессика Триско¹⁸, профессор политологии в Университете Западного Онтарио, тестирует не-линейную теорию правительства и оппозиционной агрессии Гартнера и Регана к ситуации в трёх странах Центральной Азии: Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане. Главная гипотеза: исламистские группы в Центральной Азии воспринимаются как наиболее опасные и репрессиируются больше, чем другие группы; репрессия происходит в основном через силовые структуры; такой прессинг служит катализатором недовольства и ставит под угрозу религиозную безопасность. Автор ссылается на Мэйсона и Крадэ, предполагающих, что осторожная и чётко нацеленная репрессия может помочь правительству уменьшить популярность оппозиции. Если же уровень репрессии возрастает до дискриминирующего уровня и затрагивает группы, не вовлечённые в оппозицию, то эффект репрессии будет обратным и популярность оппозиции будет только возрастать. Триско приходит к заключению, что сильные

---

¹⁸ *Jessica N. Trisko, «Coping with the Islamist threat: analyzing repression in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan» // Central Asian Survey, Vol. 24, Issue 4, 2005, pp. 373-389.*

репрессивные меры (как в Узбекистане и Казахстане) не смогли уничтожить исламскую опасность, а только послужили временным механизмом, загнавшим её в подполье. Хотя военные силы должны оставаться основным щитом против потенциального насилия, главные методы решения проблемы должны быть мирными. Автор предлагает, что Кыргызстан, до сих пор воздерживавшийся от сильных репрессивных мер, может стать альтернативной моделью решения «исламистской проблемы» в Центральной Азии. Такого же вывода придерживается и один из ведущих экспертов по исламу и религиозной безопасности в Кыргызстане Кадыр Маликов. Он считает, что вопросы религиозной безопасности невозможно решить путём насилия и репрессий, а только путём открытого диалога и широкого распространения мирного и конструктивного видения религии.

Триско также считает, что для того, чтобы достичь успеха и выжить, правительства Центральной Азии должны найти поддержку нерадикальных исламских групп и тех групп, которые открыты к диалогу. Большинство населения, практикующего религию в Кыргызстане, является последователями именно таких течений. Например, одной из самых популярных и влиятельных движений являются *даватчики* – кыргызстанская версия Таблиг Жамаат, описанная американским исследователем Байрамом Балчи¹⁹, которая пришла в регион из Индии. Таблиг Жамаат является принципиально аполитичной организацией. Благодаря своей популярности, она уводит от политики большой процент населения, заинтересованного в исламе. Также всё большее влияние в стране через систему турецких школ и университетов получают турецкий ислам и движение Фетхуллах Гулен. Демир, Балчи и Аккок²⁰ описывают турецкую модель ислама как наиболее современную, проповедующую умеренную практику. Для обеспечения безопасности в стране государству необходимо искать поддержки в таких течениях и видеть в них союзников против агрессивных движений, хотя бы потому, что они обладают намного большими человеческими ресурсами, действуют на уровне самого населения и обладают более существенным влиянием, чем государственные органы и программы. Их репрессия может привести к росту антиправительственных настроений и политизации большого процента практикующих мусульман, которые в данный момент далеки от политики. Местные

---

¹⁹ Balci, B. «The rise of the Jama'at al Tabligh in Kyrgyzstan: the revival of Islamic ties between the Indian subcontinent and Central Asia?» // Central Asian Survey, Vol. 31, Issue 1, 2012, pp. 61-76.

²⁰ Cennet Engin Demir, Ayse Balci, and Fusun Akkok. «The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Kyrgyzstan and Turkmenistan» // Central Asian Survey, Vol. 19, Issue 1, 2001, pp. 141-155.

эксперты, муфтият, комитет по делам религии разделяют взгляд на нейтральность таких течений.

В отношении других же, более сложных течений мнения местных экспертов более критичны, чем мнения зарубежных аналитиков. Кадыр Маликов²¹ считает, что в Центральной Азии с 1995 года активизируется деятельность таких организаций как Аль-Каида и Хизб ут-Тахрир. Кроме того в стране могут действовать объединения Товба (Покаяние), Адолат уюшмаси (Общество справедливости), Узун сакал (Длинная борода), Ислам лашкорлора (Воины ислама), Акрамия, Исламское движение Туркестана, партия Свободный Уйгурстан. Из неисламских организаций, эксперт проблематизирует такие секты как Общество сознания Кришны, Церковь объединения Муна, сатанисты, Фалунгун, Белое братство, культы Махарише, и мормонов.

Кыргызстан, будучи страной с большей свободой религии, находится в соседстве с более репрессивными режимами. В связи с этим на юге Кыргызстана можно заметить влияние представителей радикальных течений, сбежавших от репрессий в Узбекистане, таких как Исламское движение Узбекистана. Маликов предлагает, что на сегодняшний день в республике также появилась новая *джихадистско-такфиристская* идеология, которая пришла с Кавказа и нацелена на борьбу с представителями правоохранительных структур. Основное средство распространения её идей – интернет, где интернет-имамы распространяют крайне радикальные идеи и даже учат, как делать бомбы. Эксперт называет их *халиджитами* (заблудшая секта). На севере Кыргызстана, согласно исследованиям кыргызстанского аналитика Эсена Усубалиева²², есть возможность влияния радикальных салафитских течений, репрессируемых в Казахстане. Например, появление в Кыргызстане группы Джейшуль Махди в 2009-2010 годах он связывает с обострением религиозной ситуации в Казахстане.

Сегодня становится очевидным, что борьба против терроризма эффективна в союзе с теми исламскими государствами, которые сами становились объектами атак террористов. По мнению экспертов, практически никак не используется потенциал международных мусульманских организаций, и в первую очередь Организации Исламской Конференции (ОИК). Кыргызстан и исламские страны могут и должны

---

²¹ Маликов К.К. «Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «Мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства»// IslamRF.ru, 27 марта 2008 г. (<http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/2218/>). Мамытова Э. «Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии» // Центральная Азия и Кавказ, №. 5, 2000 г.

²² Усубалиев Э. «Джихадизм в Казахстане и Кыргызстане в контексте геополитических сценариев в Центральной Азии»// Аналитический центр Разумные Решения, 25 ноября 2011 г. (<http://analitika.org/international-affairs/security/1-20111125011819912.html>).

сотрудничать в идейном разоружении тех, кто использует постулаты ислама вопреки его истинным ценностям.

Однако по мнению многих экспертов, в том числе Директора Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета (это правильно?) Акылбека Салиева²³, главным союзником в борьбе с религиозной опасностью должны стать сами религиозные конфессии. Сегодня оптимальным видится выработка такого формата отношений государства и религии, который не только снизит степень угрозы религиозного экстремизма, но и даст возможность использовать религиозный потенциал в интересах государства. Это будет невозможно, если государство не изменит своего отношения к религии и не перестанет видеть её как угрозу для общества, а воспринимать реальное значение этого феномена в жизни современного Кыргызстана. Государство не должно упускать возможность самой религии для борьбы с религиозным экстремизмом.

Существует мнение, что подорвать влияние деструктивных сил возможно только при выработке своей идейной альтернативы, противопоставленной экстремизму и терроризму. Поэтому, при разработке стратегии государства в отношении религии, власти следует исходить из принципа, что ислам и христианство не чужды для Кыргызстана. Они являются неотъемлемой частью кыргызстанской истории и культуры, и главными в их идейном наследии являются такие принципы как умеренность, стабильность, лояльность по отношению к власти, совещательность, стремление к компромиссу, предупреждение вреда. Исходные религиозные начала, их трактовка авторитетными учеными являются убедительным аргументом против идеологии религиозного экстремизма и терроризма. Политико-правовые религиозные учения должны служить не экстремистам, а демократическим силам, работать не на дестабилизацию, а на консолидацию общества и государства.

В данной вступительной главе, мы сделали обзор основной международной и отечественной литературы о религиозных рисках и религиозной безопасности в Кыргызстане. Данный обзор показал, что религиозный экстремизм существует больше как политический дискурс, сильно муссируемый средствами массовой информации, нежели как реально существующая проблема. По своей природе, этот дискурс мало чем отличается от подобных дискурсов в других контекстах: он также оперирует такими упрощёнными дихотомиями и традиционными терминами как экстремизм,

---

²³ Акылбек Салиев. «О роли религии в борьбе с религиозным экстремизмом» // Минарет, № 1-2 (19-20), 2009. (http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/19-20/saliev.htm?).

фундаментализм, радикализм и т.д. Интересно, что эти термины стали не только популярны в средствах массовой информации, но и в ежедневном общении на простом уровне. С помощью этих категорий жители страны осмысливают и свои и чужие религиозные практики/не-практики в процессе построения индивидуальной и коллективной идентичности в эпоху перемен, сложного социально-экономического положения и постоянной политической турбулентности. Соответственно эти термины важны для исследования, но не столько как реальные феномены, а как социально сконструированные концепции, влияющие на наше восприятие религиозной ситуации в стране.

Однако для понимания реальной ситуации с религиозной безопасностью, упрощённые бинарные категории скорее ограничивают, нежели помогают. Учитывая уникальный контекст Кыргызстана и большое многообразие религиозных конфессий и практик (как результат сравнительно большей свободы религии на протяжении последних 22 лет после распада Советского Союза, чем в других республиках Центральной Азии) необходим другой подход к пониманию проблемы. Это подход объединяет политические и этнографические рамки, как предлагают Монтгомери и Хэдэршоу, и ставит задачей воссоздать всю сложность ситуации с религиозными рисками в республике.

Сравнительная свобода религии, существующая в Кыргызстане за последние 22 года, не привела к росту религиозного риска и экстремизма.

Обзор литературы также показал, что сравнительная свобода религии, существующая в Кыргызстане за последние 22 года, не привела к росту религиозного риска и экстремизма и страна не испытала каких-то существенных потрясений и жертв. Наоборот – Кыргызстан страдает от экстремистских элементов, приходящих в страну из соседних республик, в которых религиозные свободы намного ограниченнее и где эти течения радикализированы в связи с их репрессиями со стороны государств. Этот сравнительный опыт важен при формировании дальнейшей политики.

Также, для формирования эффективной государственной политики в республике необходимо отойти от использования бинарных определений, стереотипов и ярлыков и попытаться воссоздать более включающую картину, показывающую как можно больше фрагментов «религиозной мозаики» Кыргызстана. Данное исследование ставит перед собой именно такую задачу. Оно рассматривает риски и

угрозы в сфере религиозной безопасности в Кыргызской Республике на основе анализа существующей мировой и отечественной литературы, экспертных интервью, опроса населения г. Бишкек, интервью с представителями различных течений и многолетнего этнографического исследования движения Таблиг Жамаат, проведённых одним из авторов. Исследование объединило несколько методологий: политологическую, социологическую и антропологическую. Совмещение различных методов позволило воспроизвести наиболее полную картину существующей ситуации. Каждая методика произвела свои уникальные результаты, которые дополняют друг друга и позволяют взглянуть на этот сложный вопрос с различных углов. Структура отчёта отражает три исследовательских метода: во второй главе представлены результаты социологического опроса населения г. Бишкек, в третьей главе – результаты опроса экспертов, и в четвёртой главе – результаты многолетней этнографии по движению Таблиг Жамаат. Выводы и рекомендации представлены в последней пятой главе отчёта.

Глава 2: Восприятие религиозной безопасности среди населения

Мнение простых граждан Кыргызской Республики о ситуации в религиозной сфере важно для данного исследования. Конечно же, их мнение формируется в большей степени под влиянием средств массовой информации, и немногие являются членами религиозных организаций. Тем не менее, простые жители пересекаются с представителями различных религиозных течений, и их мнение, отражая наиболее распространённые позиции в восприятии религии, может в какой-то мере обозначить проблемные зоны, хотя бы на уровне существующего ежедневного дискурса.

В связи с ограниченностью ресурсов, опрос населения происходил только в г. Бишкек. Выборка составила 200 человек и была стратифицирована по полу, возрасту, национальности и месту проживания согласно общим демографическим характеристикам города. Опрос состоял из двух основных частей: вопросы о религиозной практике и вопросы о восприятии ситуации с религиозной безопасностью.

Большинство опрошенных (66%) оказались мусульманами, 21% христианами, 10% атеистами, и 3% другими. Меньше половины (45%) посещают мечеть или церковь и 32% мусульман читают намаз. Частота посещения и частота чтения намаза отражены в следующей таблице:

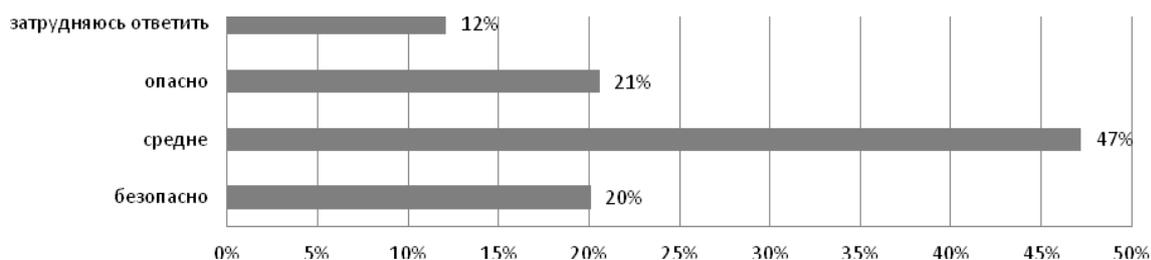
Таблица 2.1. Частота посещения мечети/церкви и частота чтения намаза

		Раз	в	Раз	в	Раз	в	Раз	в
		день		неделю		месяц		год	
Посещение мечети/церкви	%	3%		37%		39%		22%	
	Кол-во раз	3		1		1,2		2,2	
Чтение намаза	%	36%		43%		21%		0%	
	Кол-во раз	3,4		1,2		1,2		0	

31% мусульман и 15% христиан соблюдают священный пост.

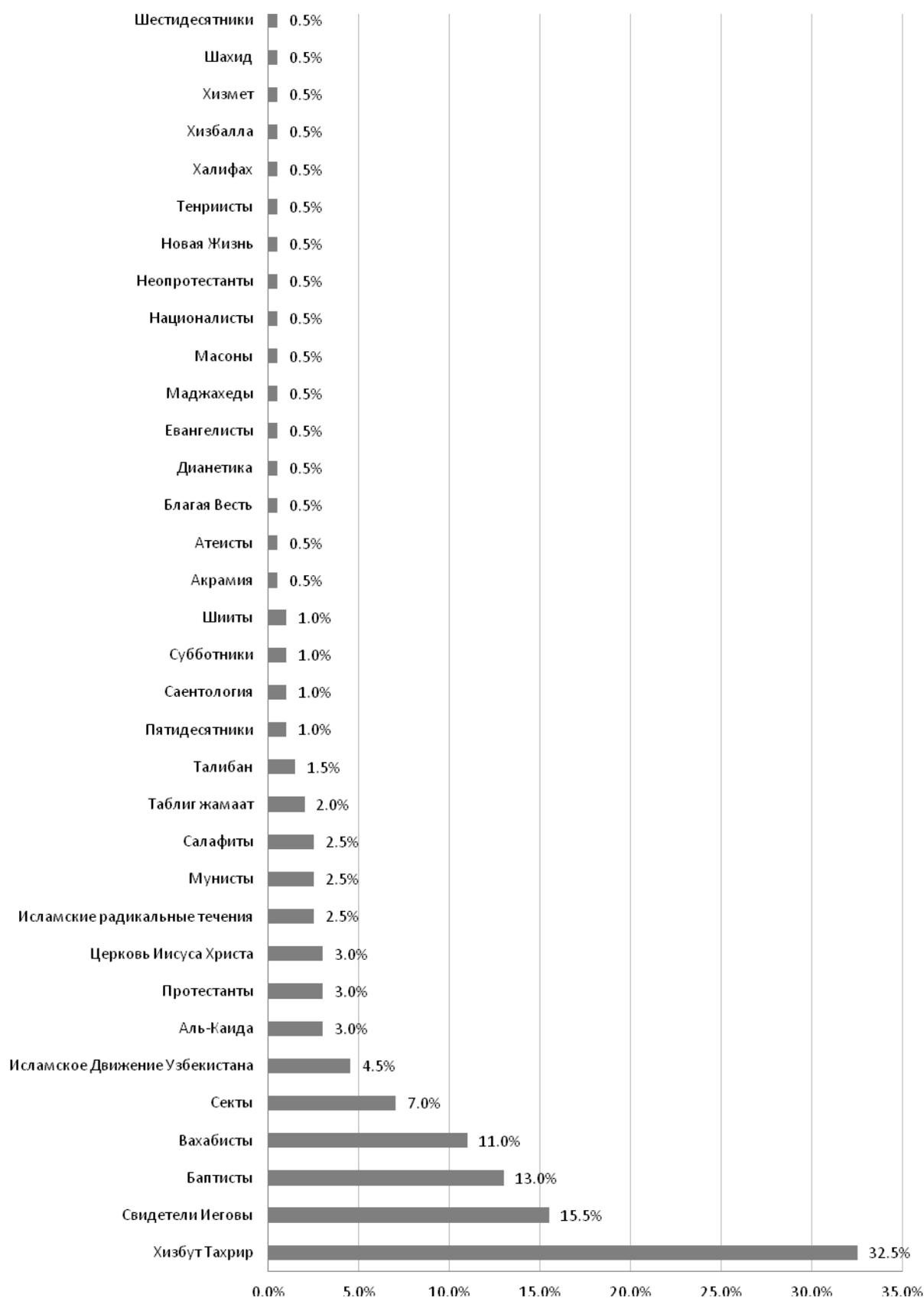
Почти половина опрошенных жителей воспринимают ситуацию с религиозной безопасностью как среднюю:

График 2.1. Восприятие ситуации с религиозной ситуацией в Кыргызской Республике

Следующий график показывает организации, которые респонденты считают опасными. Как мы видим, самой опасной считается организация Хизб ут-Тахрир (32,5% респондентов считают её опасной). Вторые по восприятию опасности – Свидетели Иеговы (15,5%), за ними баптисты (13%), вахабисты (11%) и группа, обозначенная как сектанты (7%). Причины, по которым религиозные организации считаются опасными описаны в таблице 2.2.

ГРАФИК 2.2. КАКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ОПАСНЫМИ?

Таблица 2.2. Причины, по которым религиозные организации считаются

ОПАСНЫМИ

Хизб ут-Тахрир	<ul style="list-style-type: none"> • террористическая угроза (21), теракты, взрывы, смертники • радикалы, агрессивны, категоричны, нетерпимы • ими рулят политики, которые преследуют свои интересы • искажение и неправильная интерпретация религии • промывание мозгов и зомбирование • прямая угроза национальному суверенитету, хотят разрушить государство и создать халифат • разжигание конфликтов между народом и властью, между разными конфессиями и национальностями • распространение экстремистской литературы • портят национальную кыргызскую культуру • призыв к джихаду, среди членов много боевиков • исламизация страны
Свидетели Иеговы	<ul style="list-style-type: none"> • заставляют всех верить и преследуют людей, навязывают свою религию (3) • искажение и неправильная трактовка религии (13), создали свой миф, ересь • обманщики (3), мошенники, эксплуатируют других, вербовка людей • странное поведение, помешанные люди, ненормальные • пудрят мозги, особенно бабушкам, зомбируют людей • много агрессии и нетерпимости
Баптисты	<ul style="list-style-type: none"> • обманщики (7), аферисты, мошенники (2), думают только о деньгах • зомбирование (3), пропаганда • неправильная трактовка религии • плохие, чокнутые, странное поведение • это секта • опасная структура • в целом ведут себя агрессивно и не грамотно в религиозных вопросах
Вахабиты	<ul style="list-style-type: none"> • террористическая угроза (7) • неправильная трактовка религии (3) • радикальные взгляды (4), терроризм • работа с молодежью по промывке мозгов • утрируют религию • джихадисты
Секты	<ul style="list-style-type: none"> • могут запудрить мозги людям, обманывают людей • искажают суть религии (любой) • вымогают деньги, материальная заинтересованность • ограничение свободы человека
Исламское Движение Узбекистана	<ul style="list-style-type: none"> • хотят создать исламское государство (2), хотели захватить Кыргызстан и создать халифат, опасно для юга страны (и для суверенитета) • не верят в Бога, неправильная религия • радикальные исламисты и джихадисты • террористическая угроза
Аль Кайда	<ul style="list-style-type: none"> • радикалы (2) • террористы (3), международные террористы • приведут к религиозной и межнациональной розни • работа с молодежью по промывке мозгов
Протестанты	<ul style="list-style-type: none"> • вербовка людей • сепаратисты, иностранные агенты (2) • навязывают религию • промывают мозги людям
Церковь Исуса Христа	<ul style="list-style-type: none"> • неправильная трактовка религии (2), неправильное течение • обманывают людей, пудрят мозги, особенно бабушкам • вымогают деньги

Как мы видим, организации разнятся в том, как их воспринимают: мусульманские организации чаще подозреваются в радикализме, терроризме и желании захватить власть, в то время как евангелистские организации чаще обвиняются в обмане, мошенничестве и навязывании идей. И тем и другим вменяется неправильная трактовка религии и зомбирование населения.

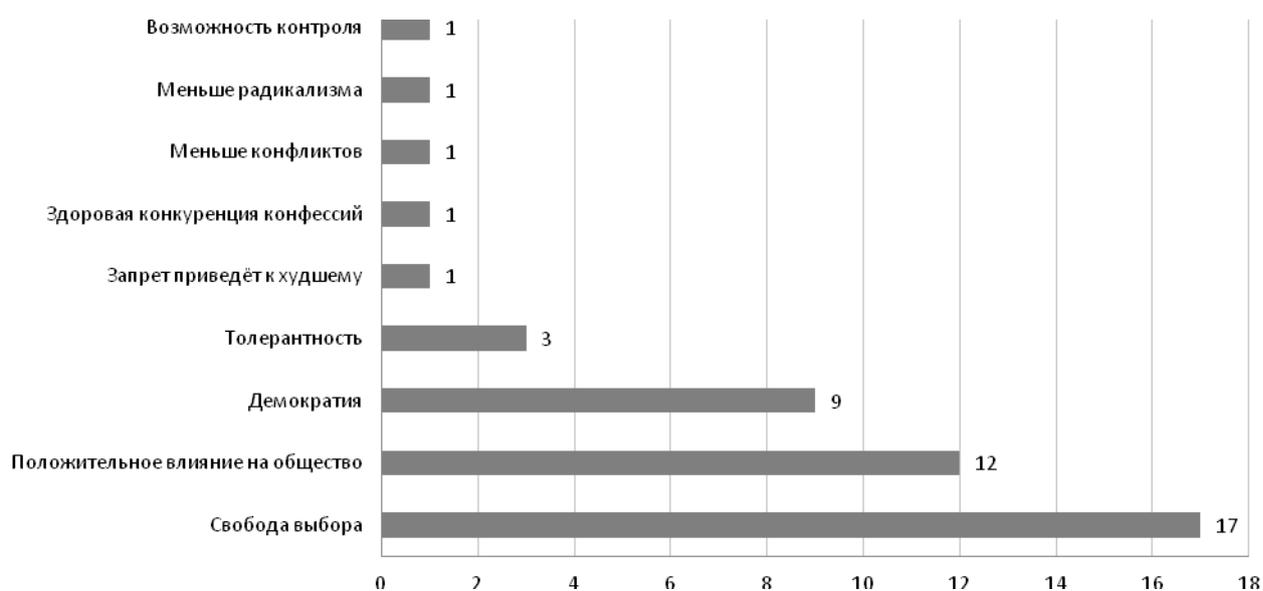
Как оценивают жители Бишкека относительную свободу религии в стране? По этому вопросу мнения сильно разделились. Больше людей (41%) видят в этом плюсы, однако почти треть видят в свободе больше негатива:

Таблица 2.3. КАК ВЛИЯЕТ СВОБОДА РЕЛИГИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНЕ?

	Процент
Больше положительно	41%
Больше отрицательно	33%
Затрудняюсь ответить	26%

Причины, объясняющие позитивную оценку можно сгруппировать в следующие категории:

График 2.3. ПОЗИТИВНАЯ ОЦЕНКА СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

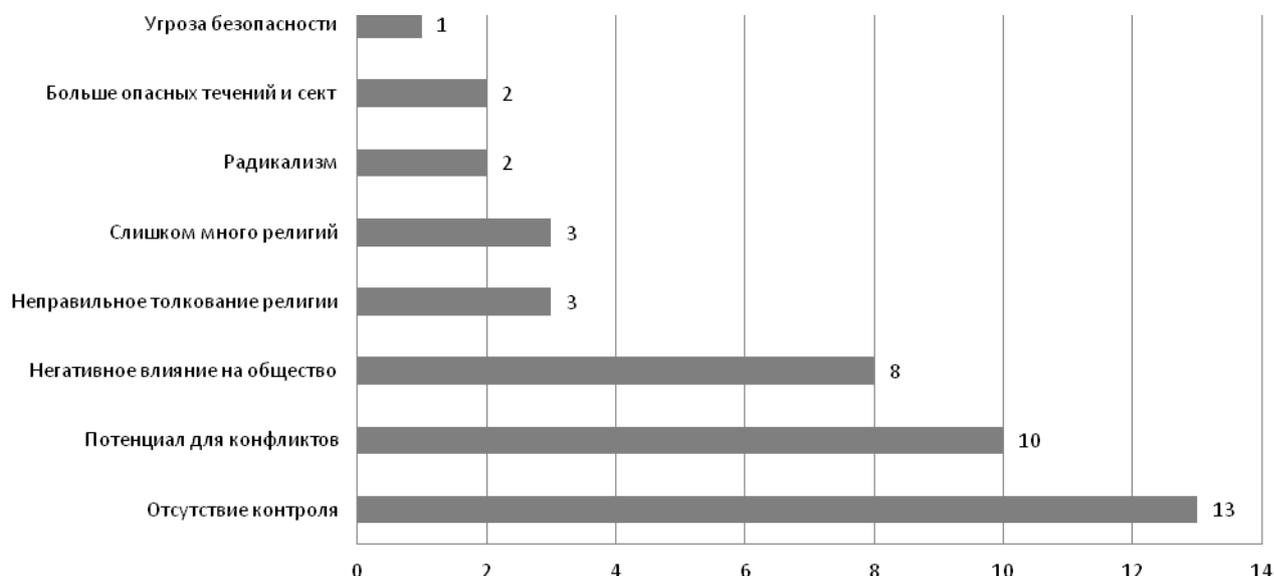

Таблица 2.4. Позитивная оценка свободы религии в Кыргызской Республике

Свобода выбора	<ul style="list-style-type: none"> • Каждый сам выбирает для себя религию. Нельзя всех заставлять практиковать одну религию • Каждый человек считает свою религию святой • Люди сами решают, кому и во что верить • Свобода выбора: кто что хочет, пусть то и делает • Свобода выбора, но главное, чтобы не навязывали религии свои людям, человек сам должен к этому прийти • Это гарантирует свободу совести
Положительное влияние на общество	<ul style="list-style-type: none"> • Больше свободы - больше понимания между людьми • Больше свободы, больше законности • Растет толерантность и уважение в обществе • Больше людей тянутся к религии • Все религии проповедуют хороший образ жизни. • Моральное воспитание • Потому что у многих религий есть свои требования, которые оказывают влияние на человека. • Религиозные люди более культурные • Религия приведет к преправильному восприятию молодежи. • Страна должна быть более религиозной, тогда будет нравственность.
Демократия	<ul style="list-style-type: none"> • Демократическое развитие
Толерантность	<ul style="list-style-type: none"> • Толерантность и веротерпимость в обществе появляются • Меньше поводов для конфликтов в стране, толерантность религиозная (по крайней мере в теории)
Меньше радикализма	<ul style="list-style-type: none"> • Чем больше течений, тем меньше людей будут примыкать к радикальным течениям • Если запрещать, то больше будет распространяться

Негативная оценка свободы включает следующие объяснения:

График 2.4. НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

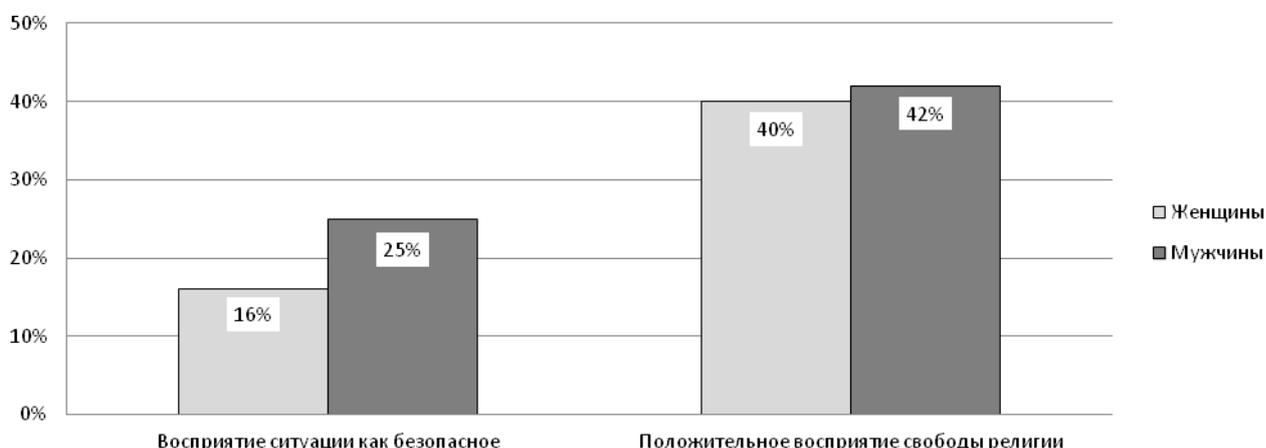

Таблица 2.5. НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Отсутствие контроля	<ul style="list-style-type: none"> • Все должно быть в меру, у нас ничего не работает и все бесконтрольно. Мы всех пустили и все что хотят, то и делают • Нет контроля, госслужба не работает • Свобода должна регулироваться • Свобода отлична от бесконтрольной деятельности. У нас второе • Слишком много свободы! • В Казахстане нет радикальных течений, потому что есть контроль, а у нас все бесконтрольно
Потенциал для конфликтов	<ul style="list-style-type: none"> • Если много различных мнений, то больше конфликтов в обществе • Много религий не надо, потом начинается борьба и религиозные конфликты • Чрезмерная свобода приводит к опасности и беспорядкам
Негативное влияние на общество	<ul style="list-style-type: none"> • Больше причин для анархии, зомбирование людей и негативное влияние на молодежь • Люди не готовы к такой свободе, они легко поддаются опасным течениям и влияниям • Необразованные люди попадают под влияние • Повышенные риски терроризма • У всех свои интересы; используют людей, чтобы их обманывать
Неправильное толкование религии	<ul style="list-style-type: none"> • Многие неправильно понимают и интерпретируют религию
Слишком много религий	<ul style="list-style-type: none"> • И так много религий; народ мечется и не знает, куда деться
Радикализм	<ul style="list-style-type: none"> • Много радикальных течений; надо оставить основные и преследовать радикальные религии

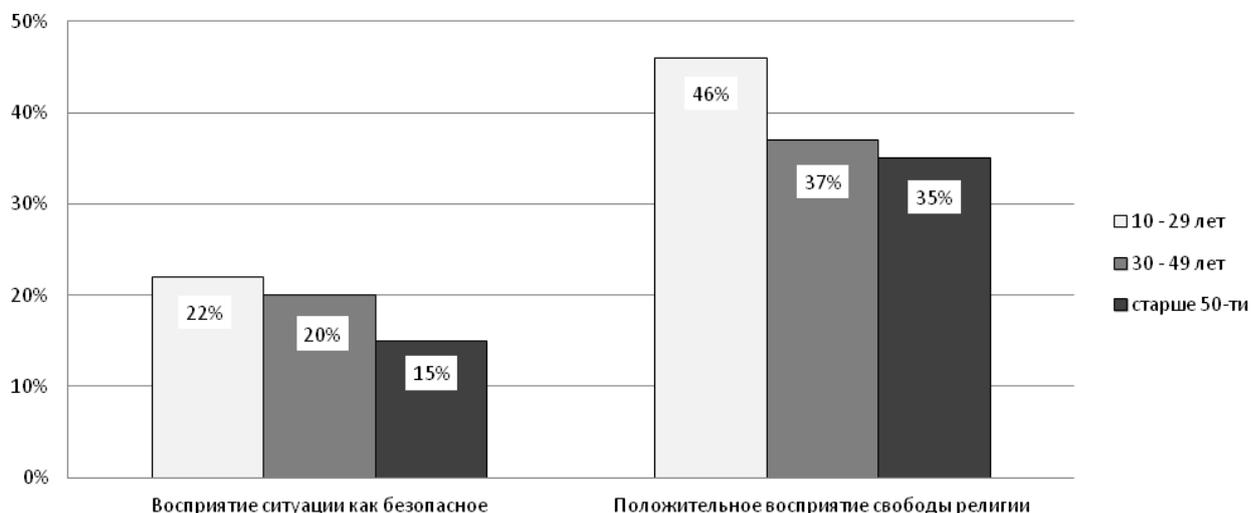
Какие факторы влияют на мнение жителей? Проанализировав таблицы сопряженности, мы выявили, что восприятие религиозных рисков зависит от пола, возраста и национальности респондентов. Мужчины видят ситуацию менее опасной и незначительно положительнее воспринимают свободу религии:

График 2.5. ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИИ С РЕЛИГИЕЙ СРЕДИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

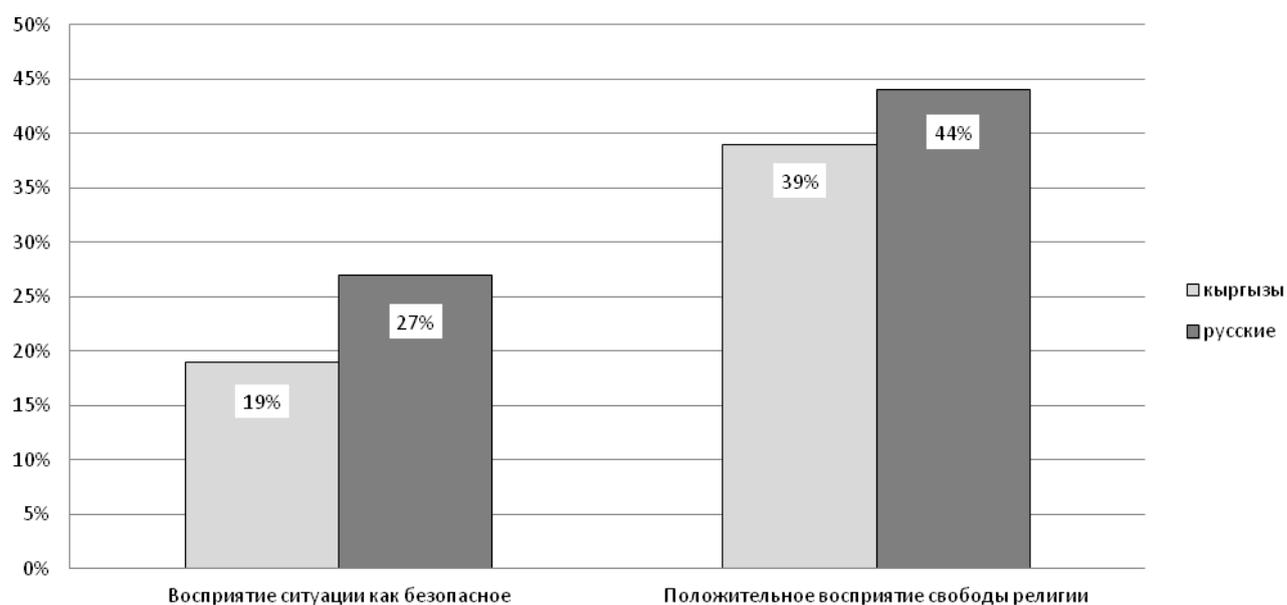
Довольно большая разница в восприятии прослеживается и между респондентами разных поколений: чем старше, тем с большей опаской относятся жители к ситуации и к свободе религии:

График 2.6. ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИИ С РЕЛИГИЕЙ ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ

Ну и наконец, есть разница в восприятии ситуации между респондентами русской и кыргызской национальностей: русские жители воспринимают ситуацию более позитивно.

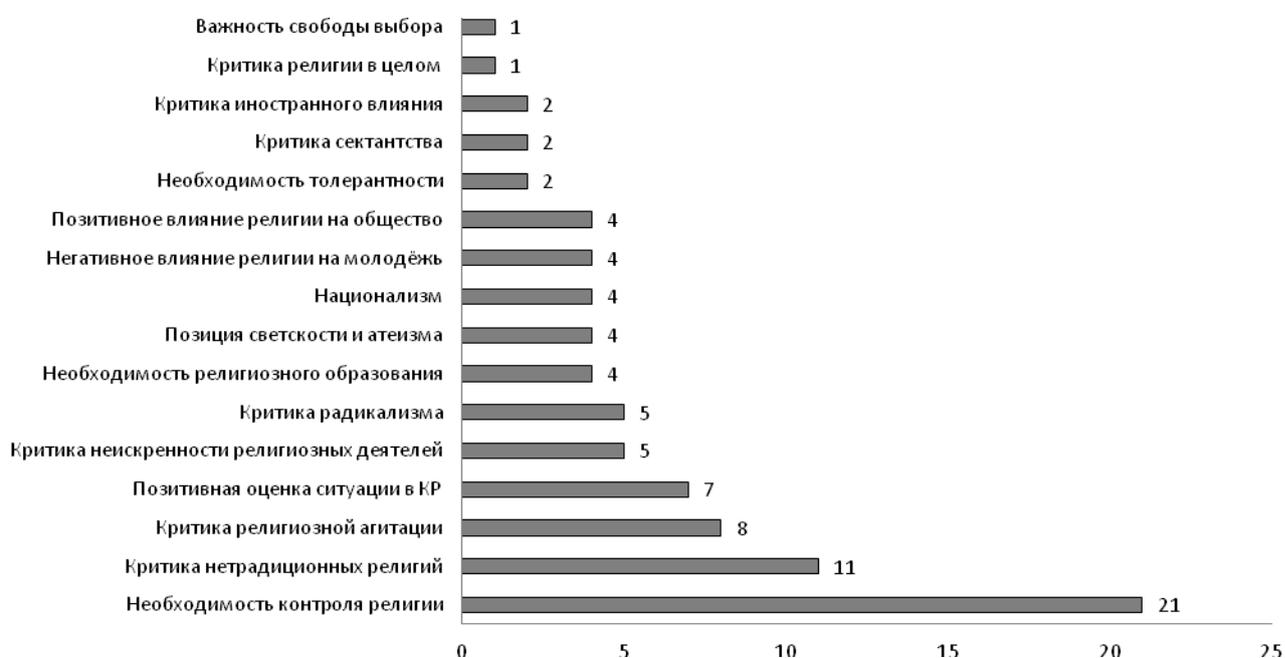
График 2.7. ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИИ С РЕЛИГИЕЙ СРЕДИ КЫРГЫЗОВ И РУССКИХ

Мы также поинтересовались, каковы прогнозы жителей по поводу вывода союзных войск из Афганистана. Оказалось, что они скорее оптимистичны: почти 2/3 респондентов (62%) считают, что вывод войск никак не отразится на ситуации с религиозной безопасностью в Кыргызской Республике. Пессимисты же (38%) приводят вполне ожидаемые доводы: наплыв боевиков Талибан, наркотиков и оружия, рост радикализма, терроризма и экстремизма, а также деятельность иностранных агентов из Афганистана и Америки.

В заключении, мы попросили респондентов дать свои комментарии по вопросам религиозной безопасности. Их ответы можно сгруппировать в следующие категории по частоте упоминания:

ГРАФИК 2.8. КОММЕНТАРИИ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТАБЛИЦА 2.6. КОММЕНТАРИИ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Контроль

- Все течения должны быть проверены, зарегистрированы, нужен специальный государственный орган, который бы регулировал деятельность всех религиозных течений и следил бы за литературой и т.д.
- Всех главных лиц религиозных организаций нужно контролировать, и они должны нести ответственность за своих последователей и пресекать беззаконие. Главное в стране - закон.
- Государство должно глубже изучать вопросы религии, так как религия порой играет очень большую роль в жизни человека; у государства должен быть план или идеология по религии и контролю.
- У государства нет четко выработанной религиозной политики.

Таблица 2.6. КОММЕНТАРИИ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Контроль	<ul style="list-style-type: none"> Процедура регистрации религиозных организаций и течений у нас не логичная и не совершенная. Вместо того, чтобы течения спрашивали разрешения о регистрации перед тем как начать деятельность, они сообщают о своей работе пост-фактум. Нужен более продуманный подход. Закон о религии дискриминирующий у нас и идет в разрез с Конституцией, он ущемляет права конфессий и людей. Нужен жесткий контроль мечетей в селах (там особо усиленно идет промывание мозгов и неправильная трактовка). Спец. службы должны эффективно работать и нас защищать, тогда будет все нормально.
Пропаганда	<ul style="list-style-type: none"> Бабушки пропагандируют Иеговизм, приглашают на сектантские проповеди и чаепития, надоели. Баптисты открывают бесплатные детские лагеря и возят туда детей, рассказывают детям их идеи, приманивают играми и бесплатным питанием, такое нужно прекращать и запрещать. Если запретить свободу религии, то возможно будет безопасней ходить и не думать, что сейчас кто-то начнет навязывать религию. Люди должны понять разницу между точкой зрения и принуждением. Главная опасность для нас идет от радикальных исламистов, а все эти церкви новые не очень опасные. Нужно больше контроля, а то у нас вседозволенность везде, особенно на юге. Мне не нравится то, что в центре у нас раз в год молятся. Вера должна быть в голове, а не на улицах. У большинства мусульман ислам не возвышенный, а на низком материальном уровне. Нужно запретить религиозную агитацию (или хотя бы уменьшить ее). У нас нет женских мечетей.
Традиционные и нетрадиционные религии	<ul style="list-style-type: none"> Надо запретить нетрадиционные мусульманские и христианские течения и организации. Необходимо проповедовать истинный, традиционный ислам, а не течения. Нужно ограничиться традиционными христианством и исламом, а все маленькие секты закрыть (они отрицательно влияют на молодежь особенно). Псевдо-религия в данный момент особо развивается в нашей стране! Традиционные религии хорошие, а боговерующие люди лучше. Надо быть верующим, но не фанатиком.
Искренность в религии	<ul style="list-style-type: none"> Бросается в глаза вопиющая безрелигиозность религиозных проповедников. Не очень верю нашим религиозным учителям, в их искренность и религиозность (все поставлено на коммерческую основу, не хочу ходить в мечеть). Если бы все следовали написанному в священных книгах, а не просто на словах назывались верующими, то религия не представляла бы вообще никакой опасности, а наоборот наступили райские условия на Земле. Ислам становится модой, а на самом деле многие позиционируют себя истинными правоверными мусульманами, но не ведут такой образ жизни. Людей не интересует сегодня духовная часть религии, все преследуют свои интересы. Я считаю, что многие девушки, принявшие ислам и закрывшиеся хиджабом, не достаточно знают про эту религию. Для кого-то это просто маска, они даже не знают, как правильно носить хиджаб.

Таблица 2.6. КОММЕНТАРИИ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Религиозное образование	<ul style="list-style-type: none"> • Надо повышать грамотность (в том числе религиозную) населения; необходимо ввести в программу старших классов основы религиоведения. • Нужна религиозная образованность в обществе.
Светскость и атеизм	<ul style="list-style-type: none"> • Главное - светскость нашей страны. • Держите свою религию при себе. • Не стоит этому уделять большого внимания, так как государство светское, а не шариатское. Мы живем по законам, а не по шариату. Что касается других религий, они не обладают большим влиянием. • Нужно думать о больше, чем просто 5 раз в пол лбом биться, тут на Марсе воду нашли, наука развивается, а эти дураки говорят про все "Аллах билет." Это показывает нашу отсталость, нужно развивать науку, а не религию. Я против пакистанской одежды, это не кыргызское. Нужно больше школ, а не мечетей, и больше ученых, а не мулл. • Религия не должна вмешиваться в политику; религия и государство должны быть отдельно.
Национализм	<ul style="list-style-type: none"> • Кыргызцы должны быть кыргызами. Под знаком ислама идет уничтожение национального самосознания (или отуречивание). • Наши культурные ценности не должны быть заменены или изменены исламом (например наш язык). • Новая кыргызская религия Тенгриизм не допустима.
Ситуация в Кыргызской Республике	<ul style="list-style-type: none"> • У нас нет никаких проблем с религией. Так что волноваться не о чем. • У нас нет опасных течений и организаций. • Не очень опасно, но в какой-то мере бывает страшно. • По сравнению с другими государствами, ситуация в КР отличается. • Если бы я жила в России или на Кавказе, то было бы что сказать!
Влияние на молодёжь	<ul style="list-style-type: none"> • Молодежь как губка впитывают неправильные учения и течения типа вахабитов, которые этим пользуются и создают угрозы. • Не знаю конкретных организаций, но лично знакома с женщинами, которые, следуя за своими "религиозными" мужьями, выезжают в Сирию на какой-то долбаный джихад. В Кыргызстане, особенно для молодежи, нет определенной идеологии, идеологии для развития личностного, потому многие молодые люди, не имея достаточного образования в сфере религии, попадают под влияние экстремистских групп. • Хизб ут-Тахрир уже везде работает, в основном с молодежью, пудрит им мозги. • Я живу рядом с мечетью, вижу много молодежи религиозной - они очень агрессивны.
Позитивное влияние	<ul style="list-style-type: none"> • Религия нужна человечеству, как вдохновение, источник веры и надежды, но считаю, не нужно переходить границу разумного.
Толерантность	<ul style="list-style-type: none"> • Просто надо уважать другие религии и тогда будет мир.

Анализ таблиц сопряжённости показывает, что:

- Критика нетрадиционных религий чаще исходит от старшего поколения;
- Позитивные комментарии о религиозной ситуации в Кыргызской Республике даются молодёжью, мужчинами, кыргызами и мусульманами;
- Мужчины также чаще отмечают позитивное влияние религии на общество;
- Контроль религии требуется в большей степени женщинами и представителями других национальностей;
- Основная критика религиозной агитации исходит от атеистов. Они же озвучивают основные светские и атеистические позиции на религиозный вопрос;
- Негативное влияние религии на молодёжь отмечается в основном кыргызами; и
- Необходимость религиозного образования отмечается практикующими мусульманами (читающими намаз и соблюдающими пост).

Проанализировав восприятие религиозной ситуации и религиозных рисков среди жителей г. Бишкек, можно сделать главный вывод: оно далеко неоднозначно и негетогенно. Несмотря на то, что многие жители высказываются традиционными клише, распространёнными в средствах массовой информации, восприятие всё же характерно разнообразием и даже полярностью, что вполне объяснимо разнообразием и сложностью самой ситуации с религией. Такие факторы как пол, возраст, национальность и религия граждан Кыргызской Республики очень интересным образом переплетаются с тем, как формируется восприятие рисков в религиозной сфере в Кыргызстане. В следующей главе мы рассмотрим, как оценивают ситуацию с рисками в религиозной сфере эксперты.

Восприятие религиозной ситуации и религиозных рисков среди жителей Бишкека далеко неоднозначно и негетогенно, для него характерны разнообразие и полярность.

Глава 3: Экспертная оценка

В ходе исследования было опрошено 15 экспертов²⁴ из представителей государственных органов, научно-исследовательских центров и самих религиозных сообществ. Интервью проводились в свободной форме. Мы просили экспертов дать оценку ситуации с религиозными рисками в Кыргызстане, оценку государственной политики в сфере религии и безопасности, а также оценку основных религиозных влияний. Нам также было важно услышать экспертные рекомендации. Данная глава суммирует результаты анализа экспертного мнения. Она структурирована по следующим основным пунктам:

- Ситуация в Кыргызской Республике;
- Государственная политика в религиозной сфере;
- Религия, политика и геополитика; и
- Основные религиозные течения.

Ситуация в Кыргызской Республике

В целом, эксперты оценивают ситуацию в Кыргызской Республике на сегодняшний день как стабильную, но потенциально сложную. Разнообразие религиозных течений и организаций воспринимается и как позитивное развитие, отражающее сравнительную свободу вероисповедания в стране, и как потенциально опасный фактор, который может привести к радикализации определённых течений и к конфликту между конфессиями и течениями.

Например, согласно мнению Амана Салиева, сейчас в Кыргызстане формируются идеологические монолиты, которые диаметрально разнятся друг с другом: традиционный кыргызский ислам, даватчики, салафиты, Хизб ут-Тахрир, турецкие течения и др. У них появляются большие несогласия между собой, а государство «просто стоит и смотрит». Согласно мнению Кадыра Маликова, почти все течения активные в Кыргызстане на сегодняшний день – это «проекты» и нужно

---

²⁴ 1) Орозбек Молдалиев, Государственная комиссия по делам религий при Президенте Кыргызской Республики (ГКДР); 2) Эмильбек Жеенбеков, 10-й отдел, Министерство внутренних дел Кыргызской Республики; 3) Рахматуло Эгембердиев, бывший муфтий, Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК); 4) Абдулатиф Жумабаев, ГКДР; 5) Орозалы Табалдиев, ГКДР; 6) Кадыр Маликов, независимый аналитический исследовательский Центр «Религия, право и политика»; 7) Мыктыбек Арстанбек, комитет стандартизации и сертификации «ХАЛАЛ»; 8) Аман Салиев, Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП); 9) Дмитрий Кабак, правозащитник; 10) Абдулазиз Скаков, пресс-секретарь, ДУМК; 11) Узюрбей Лел, Турецкий лицей; 12) Абдужапар Араев, председатель ревизионной комиссии, ДУМК; 13) Мухаммад Шариф, хажи баши, ДУМК; 14) Алтынбек Исмаилов, Коалиция «За демократию».

различать между проектами национального и глобального уровней. Кыргызстан сегодня – это мульти-религиозное общество, и многие идеологии, присутствующие в Кыргызской Республике на сегодняшний день, являются глобальными, распространёнными во многих странах. Следует принять то, что современный Кыргызстан стал частью многогранного мусульманского мира. Эмиль Жээнбеков подтверждает это мнение, свидетельствуя, что около тысячи кыргызстанцев обучаются за границей, в том числе в университете Аль-Азхар в Египте. Но это неофициальные цифры, так как в Государственной комиссии по делам религий есть данные только по тем, кто к ним обращается. Эксперт также говорит, что в Кыргызской Республике на данный момент существует более 20-ти различных исламских жамаатов. Даже ДУМК, по его мнению, можно считать одним из жамаатов. Эксперт сомневается в том, что ДУМК может эффективно контролировать все мечети в республике, по его оценке, ДУМК контролирует только определенную часть мечетей. Над другими мечетями контроль слабый. По его мнению, был бы желательным особый статус ДУМКа, но сейчас он отсутствует.

Муфтий Рахматуло Эгембердиев категорически не согласен с такой оценкой. Он считает, что такое мнение сегодня можно услышать от многих «псевдо-экспертов», которые пытаются создать негативный образ религии. По его мнению, это популизм. Информация, особенно представляемая в средствах массовой информации, просто берётся из доступных источников, которые сами часто копируют экспертов из других стран. Таким образом, религиозный дискурс сам себя воспроизводит. По его оценке, ДУМК работает эффективно и почти все мечети в республике находятся под контролем. Именно ДУМК проводит всю основную работу на низовом уровне.

Как отмечалось и в первой главе, кроме разделения на течения внутри конфессий также происходит разделение общества на светскую и религиозную части, и между ними тоже возникает противостояние. Кадыр Маликов считает, что необходима работа, нацеленная на сплочение. Для этого необходимо внимательнее рассмотреть вопрос светскости, потому что в этом вопросе на данный момент существует много противоречий, отсутствует чёткая граница между светскостью и религиозностью и наблюдается много проблем в трактовке.

Маликов, Салиев, Исмаилов и Арстанбек отмечают, что ситуация в религиозной сфере остаётся неизученной. Многие политики, будучи абсолютно не знакомы с ситуацией, тем не менее делают громкие заявления. Например, депутат Карамушкина заявила, что в Кыргызстане давно запрещенный Хизб ут-Тахрир является легальной

организацией. Такие заявления показывают очень слабую информированность наших политиков. Как утверждает Мыктыбек Арстанбек, в России существует пять исследовательских центров, занимающихся исключительно вопросами ислама. В Кыргызстане же исследовательская база в сфере религии практически отсутствует. Исмаилов считает, что необходимы очень серьёзные исследования в целях поиска точек соприкосновений и разногласий и выявления потенциала для сотрудничества.

Говоря о потенциальном риске различных течений, Маликов различает следующие уровни:

- 1-й уровень – организации, не представляющие угрозу;
- 2-й уровень – организации, оказывающие скрытое деструктивное влияние на общество (пример: евангелистские церкви);
- 3-й уровень – экстремистские организации (пример: Хизбут-Тахрир);
- 4-й уровень – силовой экстремизм (пример: джихадистско-такфиритские организации); и
- 5-й уровень – террористические организации (пример: Аль-Каида).

По его мнению, в Кыргызстане на острие меча на данный момент находятся салафитские течения. С открытием посольства Катара и деятельностью посольства Саудовской Аравии будут увеличиваться финансовые вливания и дальнейшее распространения салафитской идеологии. Необходимо работать на предупреждение и переубеждение путём создания и продвижения альтернативы. Более расширенная экспертная оценка того, как формируется внутренняя политика в отношении религии предлагается в следующей секции.

Государственная политика в религиозной сфере

Одним из главных органов, обеспечивающих безопасность в религиозной сфере в стране, являются органы внутренних дел. Эмиль Жээнбеков, начальник управления по борьбе с экстремизмом Министерства внутренних дел Республики Кыргызстан (МВД), подробно описал деятельность правоохранительных органов в этой области. МВД старается сотрудничать с религиозными организациями. Раньше такого сотрудничества не было. МВД работает с духовенством почти во всех населённых пунктах. Концепция сотрудничества включает три направления:

- сотрудничество против экстремизма;

- помощь сотрудникам МВД в духовной сфере (была озвучена идея сделать капеланство в МВД);
- сотрудничество в предупреждении других правонарушений.

Главная стратегия МВД – это изучение ситуации и профилактика экстремизма, на что уходит 85% их усилий. Например, опрос задержанных членов Хизб ут-Тахрир показал, что половина из них даже не знали, что они являются членами экстремистской организации. Поэтому очень важно проведение разъяснительной работы и МВД, к примеру, проводит лекции в школах, высших учебных заведениях и местах лишения свободы. В этом плане для них полезен опыт Турции, где государственные органы работают на завоевание доверия и переубеждение.

По мнению Жээнбекова, политика Кыргызской Республики в религиозной сфере в целом очень хорошая, хотя есть отдельные пробелы. Политика не должна репрессировать, нужно выходить в правовое поле. МВД выбрали позицию открытой работы с общественностью, однако, диалог, по мнению эксперта, возможен только с неэкстремистскими организациями.

МВД также предпринимает попытки наладить сотрудничество с другими министерствами, к примеру, совместно с Министерством иностранных дел (МИД) изучаются зарубежные религиозные образовательные учреждения с целью выработки рекомендаций для граждан Кыргызстана, заинтересованных в получении религиозного образования за рубежом. Было бы полезным сотрудничество с Министерствами здравоохранения и образования, так как правоохранительные органы нуждаются в экспертах – профессиональных психологах, которые могли бы проводить анализ на предмет воздействия радикально-религиозных элементов на психику.

Так как в Кыргызстане до сих пор не существует единого координирующего органа, занимающегося проблемами религиозного экстремизма, МВД разработало межведомственный план по борьбе с экстремизмом.

МВД КР также успешно сотрудничает с российскими, таджикскими и казахскими спецслужбами, а также с Китаем и Турцией, наладив каналы регулярного обмена оперативной информацией. Труднее дело обстоит с Узбекистаном.

МВД активно сотрудничает с негосударственными экспертными организациями, такими как Независимый аналитический исследовательский центр «Религия, право, политика», Общественный фонд «Адеп Башаты» и др.

На данный момент под наблюдением МВД находятся около 1700 человек – приверженцы различных радикальных объединений. Основные трудности возникают при работе с закамouflированными организациями, так как многие из религиозных организаций проводят деятельность под другими названиями.

Также важен вопрос распространения экстремистских идей через интернет. МВД инициировало возбуждение нескольких уголовных дел против пользователей сайтов (в том числе “.kg” сайтов, работающих на платформах внутренних интернет-провайдеров), однако проблемой остается ответственность владельцев сайтов и интернет-операторов.

Кадыр Маликов подтверждает важность этой темы, но предлагает другой способ решения проблемы. По его мнению, все радикальные организации в Кыргызстане уже запрещены, однако проблема – не в организациях, а в идеологии, ведь последняя может распространяться и без организаций – через тот же интернет. От идеологии невозможно закрыться законами, запретами и силовыми методами. Необходимо работать на профилактику и предупреждение развития радикализма методом убеждения. Исламские учёные должны объединиться для производства своего видения.

Позиция правозащитника Дмитрия Кабака в оценке деятельности правоохранительных органов и политики государства более критична. Он считает, что государство и силовые структуры действуют в традиционных стереотипных рамках, активно развешивая и используя ярлыки: «традиционные/нетрадиционные» религии, «экстремизм», «сектантство», и др. Недавно изданное пособие по ситуации в религиозной сфере, подготовленное профессорами Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, является ярким примером навешивания ярлыков. Самое интересное, по мнению Кабака, это то, что это пособие было одобрено Государственной комиссией по делам религий при Президенте Кыргызской Республики. Правозащитники проводили специальные тренинги для сотрудников МВД, однако большое количество возникших препятствий создавало ощущение, что какие-то силы специально не давали сотрудникам госорганов иметь возможность принять в них участие.

Правозащитник также высказал мнение, что анализ событий Бакиевского периода создаёт много возможностей их интерпретации с конспиративной точки зрения. К примеру, события в Ноокате удивительно совпали с заседанием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Все попытки правозащитников помочь тридцати-

двум арестованным в это время были безуспешными. По мнению Кабака, Ноокатские события показали очень слабый менеджмент.

Мыктыбек Арстанбек считает, что при принятии решений, касающихся вопросов религии, государство обязано учитывать мнение граждан и религиозного сообщества. Кыргызстану нужен системный подход к религии, выработанный своими учёными. Нужна своя религиозная база. Религиозные решения для приведения в жизнь должны быть научно-обоснованными. Нерешённость вопросов в религиозной сфере увеличивают протестный потенциал нашего сообщества. Аман Салиев тоже считает, что нужны центры, основанные на местной религиозной экспертизе, которые давали бы ответы на многие важные вопросы населения. Муфтият также должен активно работать и давать фатвы по различным вопросам.

Муфтий в свою очередь считает, что по вопросу сотрудничества между государством и религиозными организациями в Кыргызстане ситуация намного лучше, чем у его наших соседей, и существует диалог. Во многих государственных учреждениях открыты молельные комнаты. Государство также предоставляет участки под мечети бесплатно, что тоже является элементом сотрудничества. ДУМК также проводили семинары в МВД, и была также проведена межконфессиональная конференция под названием «Государство, религия и безопасность».

Мыктыбек Арстанбек согласен с тем, что без диалога не может быть понимания. Однако он считает, что в Кыргызстане не существует диалогового окна, а деятельность государства нацелена только на контроль. Мнение Кадыра Маликова тоже более критично: современная ситуация в религиозной сфере вызывает озабоченность в связи с непродуманными действиями государства, например по запрету и признанию определённых организаций экстремистскими. Запрещение таких организаций в России не означает, что правительство Кыргызской Республики также должно их запрещать. Необходимо соотносить силы и возможности. Государство ещё не упорядочило религиозную деятельность и не проводит достаточно работы в продвижении умеренного ислама. Запреты могут привести к радикализации населения, которое начнёт видеть в государстве врага. Вместо запретов нужно искать мягкие консенсусы и сотрудничать с религиозными организациями. В то же время нельзя всё оставлять на самотёк. Государству необходимы своё видение и программа, которые, например, включили бы использование методов убеждения, обеспечение доступа к правильной информации, просветительскую работу, создание сети исламских культурных центров и т.д. Идея системы исламских культурных центров

заключается в следующем: в таких центрах будут преподаваться различные предметы от основ веры до культуры (жизнь пророка (сав), фикх, исламская цивилизация). Такие курсы должны читаться признанными и проверенными учёными теологами. Целью таких курсов являлось бы формирование мусульманской интеллигенции и создание молодёжной интеллектуальной площадки.

Все эти вопросы неразрывно связаны с вопросами религиозного образования в целом. Согласно статистике МВД²⁵, у 69% имамов в Кыргызстане нет религиозного образования. Не хватает молодёжи с подобающим образованием. Это также влияет на религиозную безопасность. Мыктыбек Арстанбек считает, что государство должно организовывать поклонение своих граждан. Если государство не обеспечивает население информацией о том, как нужно поклоняться – они слушают других. Здесь как раз и появляются внешние факторы – на уровне доктрин, приходящих извне. Человека нужно знакомить с религией в раннем возрасте. Всё равно, взрослея, он будет подходить к этому вопросу более серьёзно и осознанно. Преподавание должно быть плюральным. В школе нужны уроки веры для всех, основанные на универсальном понимании религии.

Описывая ситуацию с религиозным образованием, муфтий рассказывает, что в Кыргызской Республике действуют 70 медресе, 7 исламских институтов и 1 университет. Недавно была обновлена рабочая программа Совета Улемов. В работе участвовали представители всех перечисленных учебных заведений и представители Министерства образования. В результате была принята новая концепция религиозного образования, основанная на единой системе, единых учебниках и едином дипломе. Программа также включает стандартный 40-60-дневный курс для имамов всех мечетей в Кыргызстане. За последние три года курсы прошли уже 600 имамов.

В этом году депутат Жогорку Кенеш Каныбек Осмоналиев инициировал новый закон о религиозном образовании. По мнению Мыктыбека Арстанбека, этот законопроект будет только обострять ситуацию, потому что он базируется на философской точке зрения, не признающей бога. Муфтий Рахматуло Эгембердиев в целом не против нового закона об образовании, однако ДУМК не согласен с целым списком пунктов внутри закона, которые сильно ограничивают свободу вероисповедания. Рекомендации ДУМК по этим спорным 16-ти пунктам были направлены в Жогорку Кенеш.

---

²⁵ Интервью с Эмилем Жээнбековым, ноябрь 2013 г.

Новый законопроект, так же как и другой законопроект Осмоналиева – о свободе вероисповедания, не выдерживает и критики правозащитника Дмитрия Кабака. Правозащитник видит закон о свободе вероисповедания абсолютно антиконституционным. По его мнению, во главу закона нужно ставить равенство религий и конфессий, а такие депутаты как Турсунбай Бакир уулу и Каныбек Осмоналиев манипулируют законодательство в пользу так называемых традиционных религий – ханафитского масхаба и православной церкви. Данные законы внедряют репрессивные методы, включая необходимость получить разрешение Государственной комиссии по делам религий на выезд за границу на обучение или необходимость регистрации. Такие методы внедряются путём навешивания ярлыков, таких как «чужие религии» или «экстремизм», создающих образ врага. Это всё является нарушением прав человека на свободу вероисповедания. Соответственно, свобода выбора сегодня под угрозой «фанатиков» и представителей доминирующих религиозных групп. А что делать неверующим или немцам-протестантам, проживающим в Кыргызстане десятки лет? По мнению правозащитника, конституция должна в первую очередь гарантировать свободу выбора. А государство в Кыргызстане хочет управлять и давать свободу вероисповедания выборочно. Правозащитники уже давно предлагают свою версию закона о свободе вероисповедания, но эта версия постоянно блокируется. В то же время закон Осмоналиева проходит, несмотря на то, что этот закон не выдерживает ни одной из правозащитной, антикоррупционной, правовой экспертизы и экспертизы на чувствительность закона к конфликтам. Такой закон сталкивает лбами представителей разных конфессий, создаёт агрессивные настроения, не учитывает религиозное многообразие. Интересно, что инициаторами многих пунктов и поправок к закону являются организации, не имеющие полномочий инициировать законы, такие как, например, Государственный комитет национальной безопасности или Государственная комиссия по делам религий. Конфликты и противоречия в законодательстве и навешивание ярлыков создают дополнительные конфликты в обществе и ведут к дестабилизации обстановки в стране.

Аман Салиев считает позицию правозащитников идеалистической, по его словам, «нельзя ходить в белой одежде по колени в грязи»; чтобы решать вопросы, нужно «одевать кирзовые сапоги и работать». О том, как используется законодательство в конкретной работе в отделах внутренних дел, рассказывает Эмиль Жээнбеков. В своей деятельности МВД пользуется определениями экстремизма, закреплёнными в Законе Кыргызской Республики №150 от 2005 г. «О

противодействию экстремистской деятельности». Экстремистской организация может быть признана только судом. А суд может принять решение по рекомендации экспертов Государственной комиссии по делам религий и других организаций. МВД постоянно разрабатывает собственные методы оперативного характера по выявлению признаков экстремизма, к примеру, по различным материалам, литературе или с помощью опросников. МВД постоянно предлагает большое число законодательных актов, однако их лоббирование занимает очень много времени. В целом Жээнбеков считает, что законодательство Кыргызской Республики и по экстремизму и по свободе вероисповедания хорошее, нужны только соответствующие механизмы реализации. В видении эксперта МВД, светскость в Кыргызстане подразумевает, что по конституции религия не вмешивается в политику, а государство в целях обеспечения безопасности обязано контролировать религиозную ситуацию. Уникальностью кыргызской модели внутренней политики является демократический подход. Однако право на вероисповедание в его видении не означает вседозволенность.

Вопрос о конституционности законов в религиозной сфере является одним из самых сложных, противоречивых и на сегодняшний день неразрешённых. Он также напрямую связан с вопросами светскости и вовлечения религиозных организаций во внутреннюю политику. Мнения экспертов по вопросам роли религии во внутренней политике и по влиянию геополитических процессов на ситуацию в Кыргызстане рассмотрены в следующей секции.

Религия, политика и геополитика

Вопросы политики и религии в Кыргызстане чаще связаны с исламом, нежели с другими конфессиями. Мыктыбек Арстанбек считает, что в центре ислама – политическая формула, и светская политика должна на него реагировать. Без политики ислам «кастрирован», а политика – это управление государством. Кадыр Маликов также считает, что нельзя искусственно отделять ислам от политики. Ислам не должен быть просто намазом и орозо. Он должен расширять своё влияние на экономику, культуру, социум, отношение к окружающей среде и на политику. Однако мусульман Кыргызстана нужно не политизировать, а учить политической культуре.

Дмитрий Кабак не согласен с такой позицией, он категорически против создания политических партий на основе этнической или религиозной принадлежности. Аман Салиев также считает, что вопрос ислама и политики – больше философский. Если

чиновник читает намаз, то как это связывает политику с религией? По его мнению, сейчас главное – не дать чиновникам «испачкать» религию. Но всё же нельзя допускать создания исламских политических партий, по его словам: «Уже сейчас спорить с салафитами невозможно – они очень агрессивны. А представьте, что это всё будет происходить в парламенте».

Также не согласен с вовлечением религии в политику хаджи башы Мухаммад Шариф. Его позиция отражает позицию представителей сообщества Таблиг Жамаат. По его мнению, в самой религии и мусульманах нет никакой опасности. Опасность возникает, когда политики используют ислам в своих целях. Когда создаются исламские партии, то результатом становятся конфликты, как в Египте. Невозможно прийти к власти силовыми методами или через политические партии. Настоящая политика – это политика без борьбы, когда человека просят стать лидером. По мнению хаджи башы, политика – это только последняя стадия в развитии мусульманского общества. Ей предшествует совершенствование веры, поклонения, поведения, взаимоотношения с окружающим миром и экономических отношений. Пока все предшествующие этапы не пройдены, говорить о политическом вовлечении религии не имеет смысла, а наше общество ещё очень далеко от совершенства в сфере религии.

Обозначенные полярные разногласия среди экспертов в видении внутренней политики и религии исчезают, когда дело касается взаимосвязи между развитием религии в Кыргызстане и глобальными геополитическими процессами. Почти все эксперты соглашались, что ситуация в Кыргызстане является результатом геополитических игр, в которых вовлечены большие игроки: Россия, Америка, Европа, Турция, Иран и Саудовская Аравия. По мнению экспертов, все эти «третьи» силы заинтересованы в усилении своего влияния в регионе, но используют различные методы, когда дело касается вопросов религии. Вот несколько озвученных версий: американцы и арабы действуют через салафитов, которые не слушают местных учёных и нацелены на дестабилизацию ситуации; Россия также заинтересована в

Правительство Кыргызстана должно строить разумную внутреннюю политику по отношению к религии, основанную на сотрудничестве, взаимопонимании и конструктивном диалоге между правительством и религиозным сообществом.

дестабилизации с целью усиления своего влияния и потенциального присоединения Кыргызстана к России; турки усиливают влияние через образовательные институты, готовя плеяду будущих про-турецких чиновников; Иран не пропагандирует

шиизм, но пытается создать в Центральной Азии противостояние влиянию Саудовской Аравии; и никому из наших ближних соседей не по душе демократическая структура правления, и они хотели бы видеть более авторитарный режим. В связи с этим эксперты совпадают во мнении, что кыргызское правительство должно быть очень внимательным и суметь защитить стабильность в стране и свой суверенитет. Оно должно строить очень разумную внутреннюю политику по отношению к религии и не поддаваться влиянию и давлению внешних политических игроков. Все эксперты единогласно утверждают, что такая политика должна строиться не на репрессивных и силовых методах, а на сотрудничестве, взаимопонимании и конструктивном диалоге между правительством и религиозным сообществом.

Эксперты также дали оценку основным религиозным влияниям в нашей стране по их происхождению. Результаты их оценок представлены в следующей секции.

Основные религиозные влияния

Главной особенностью религиозной ситуации в Кыргызстане является тот факт, что в Кыргызской Республике обретают своих последователей почти все пришедшие извне религиозные течения. По мнению многих экспертов, геополитическое расположение страны во многом определяет религиозные процессы, которые в ней происходят. В целях нашего исследования мы сгруппировали основные влияния по их географическому происхождению. Почти все эти влияния, как охарактеризовал их Кадыр Маликов, являются глобальными проектами, и их можно найти во многих уголках мира. Тем не менее, они все имеют конкретные географические корни и могут рассматриваться соответственно:

- Турция;
- Саудовская Аравия и Сирия;
- Иран;
- Западные страны; и
- Индийский полуостров.

В связи с ограничениями данного исследования, в его цели не входит глубокий анализ и характеристика каждого из этих влияний. В данной секции мы представляем только основные оценки, предоставленные экспертами, и характеристики, предоставленные представителями самих сообществ.

Турция

Тремя основными турецкими влияниями в Кыргызской Республике можно считать «Хизмет» – последователей турецкого дятеля Фетхуллах Гюлена, «Нурджулар» – последователей турецкого учёного Саида Нурси, и «Сулейманджилар» – последователей турецкого учёного Сулеймана Хильме. У этих течений есть отличия: первое пропагандирует версию более светского и прогрессивного ислама, а второе и третье больше фокусируются на изучении и понимании Корана.

Последователи течения «Нурджулар» проводят свои собрания по изучению Корана в интерпретации Саида Нурси в частных домах, которых в Кыргызстане на данный момент существует около 120-ти. Последователи «Сулейманджилар» на своих собраниях тоже изучают Коран и хадисы, но, в отличие от других, их обучают читать и понимать Коран на арабском языке. По мнению экспертов ни те, ни другие не представляют рисков для государства или общественной безопасности.

На сегодняшний день большой популярностью в Кыргызстане пользуется сеть учебных заведений Себат, которые открыты последователями учения Фетуллаха Гюлена. В школах Себат не преподаются религиозные предметы, хотя не является секретом факт, что определённое религиозное воспитание ученики этих школ всё-таки получают. Бывший сотрудник школы Себат, в данное время преподающий в Кыргызском государственном педагогическом университете имени И. Арабаева, Узер Лел отметил, что преподаватели учебных заведений Себат стараются воспитывать в детях такие исламские ценности как чистоту, уважение к родителям, любовь к родине, неприязнь к алкоголю. Воспитатели, большинство которых являются гражданами Кыргызстана, показывают ислам через своё поведение.

Многие эксперты видят в турецкой модели идеальный вариант, подходящий для Кыргызстана, представляющий эффективную модель религиозно-государственных отношений. Эта модель отвечает требованиям современности и уменьшает риски в сфере религиозной безопасности, так как в ней главный упор делается в первую очередь на высококачественном светском образовании.

Тем не менее, некоторые эксперты всё же высказывают свои подозрения в отношении турецкой модели и турецкого влияния в Кыргызстане. Они предполагают, что турки «работают на будущее» и результаты их влияния проявятся не сейчас, а по мере того, как будет взростеть поколение выпускников турецких школ и университетов. Возможно, что эти выпускники начнут со временем занимать ответственные посты в администрации и формироваться в про-турецкие и исламские

политические партии. К примеру, премьер-министр Турции Тайип Эрдоган является выпускником школы имам-хатибов и лидером про-исламской «Партии справедливости и развития», пользующейся значительным влиянием на политику в Турции.

Саудовская Аравия и Сирия

Большинство экспертов единогласны в том, что наиболее потенциально опасными и требующими особого внимания религиозными течениями в Кыргызстане и в целом в Центральной Азии являются салафизм и религиозно-политическая партия Хизб ут-Тахрир, оба из которых имеют центры внешнего управления в Саудовской Аравии и Сирии. Последователи этих течений не признают местных учёных и масхабы, а получают фатвы от популярных интернет-шейхов из других стран. Представители местного духовенства не представляют для них никакого авторитета, и они постоянно вступают в полемику с представителями других джамаатов.

Орозбек Молдалиев отметил, что на данный момент многие экстремистские, террористические идеологии приходят в Кыргызстан из российских городов, таких как Екатеринбург, Астрахань и др. Также влияние идёт из Казахстана, где салафизм очень активизировался и постепенно обретает более агрессивные формы. Аман Салиев считает, что многие казахские салафиты уже стали непреубеждаемыми такфиритами, и утверждает, что в данное время в Казахстане происходит много терактов, новости о которых не просачиваются в прессу. Он объясняет популярность салафизма в Казахстане тем, что в своё время бизнесмены, имеющие деловые связи с Саудовской Аравией, стали влиять на религиозную политику. Авторитарный характер правления и репрессии против мусульманского сообщества в Казахстане и России только усиливают влияние радикальных групп и оправдывают их агрессивность. Привлекательность салафитских идей и идей Хизб ут-Тахрир в России и в Казахстане, так же как и в Кыргызстане, заключается в их протестной риторике и в том, что у этих организаций есть ответы на вопросы, которых нет, например, у невмешивающихся в политику даватчиков.

По мнению муфтия Рахматулло Эгембердиева, салафитская практика основана больше на запрещениях и у них мало позитива или призыва к хорошему. Салафиты идут против традиционного быта, это жамаат, созданный для разрушения традиционной религии. Их идеология и доктрина очень противоречат практике традиционного ислама в Центральной Азии. У них нет призыва к поддержке властей, в то время как традиционный ислам в Центральной Азии поддерживает государство. По мнению муфтия, возможно, что через них западные государства пытаются

дестабилизировать ситуацию в регионе. ДУМК принимает салафитов как мусульман, но не поддерживает их. С недавнего времени муфтият уже не оказывает поддержку студентам, желающим пройти обучение в Саудовской Аравии. Муфтий считает, что в Кыргызстане салафизм пока умеренный и две радикальные салафитские школы – такфириты и хавариджи – пока себя не проявили.

Тревогу вызывает тот факт, что идеям этих организаций в Кыргызстане подвержена в большей степени молодежь. Салиев, проводивший полевые исследования по данной проблеме, объясняет, что салафитские идеи распространяются в основном среди городской русскоязычной молодежи, а также среди уйгуров. Это связано с тем, что с ростом кыргызского национализма люди другой национальности чувствуют себя некомфортно, маргинализуются, и у них появляется протестная риторика. Салафитские собрания и уроки-дарсы проходят на квартирах, и их трудно отслеживать и контролировать. Азиз Скаков замечает, что в последние годы салафиты стали конспирироваться: они носят тубетейки, как и местные мусульмане, и читают намаз по ханафитски.

По мнению хаджи баши Мухаммеда Шарифа, на сегодняшний момент салафиты в Кыргызстане пока не стремятся к власти, но они выбрали тактику повсеместного внедрения своих людей. Кроме того, салафиты и религиозно-политическая партия Хизб ут-Тахрир в Кыргызской Республике активно работают в среде заключенных. По мнению К. Маликова²⁶, организация Хизб ут-Тахрир также начала пересматривать инструменты своей деятельности, изменяя стратегию работы в Кыргызстане с учетом специфики регионов, переключаясь на так называемые социальные проекты, одновременно внедряя своих членов в государственные структуры, в том числе и силовые.

Иран

На сегодняшний день Иран лидирует по активности политического ислама в мусульманском мире и видит себя в качестве *умр кара* – матери городов, своего рода модели для всего мусульманского мира. Однако, как показал опрос экспертов, иранское влияние в Кыргызской Республике на сегодняшний день очень незначительное и не представляет угрозы. Иран в Кыргызстане не преследует цель распространения шиизма. Как считает эксперт Азиз Скаков, главной целью Ирана в Кыргызстане и в целом в регионе является улучшения имиджа шиизма среди простых мусульман,

---

²⁶ Маликов К.К. Краткое пособие по Исламу. Бишкек. 2013 г. – С. 112.

завоевание их доверия и введение в местные религиозные практики поклонения мёртвым по иранской аналогии.

В Кыргызстане действуют две иранские культурно-образовательные организации – Фонд Каусар и культурное представительство Ирана. Фонд Каусар уже с 2002 г. поддерживает центр исламоведения в Кыргызском национальном университете. На сегодняшний день центр выпустил уже больше 100 студентов, обучение которых было оплачено Фондом. Учитывая тот факт, что год обучения в центре на сегодняшний день стоит 32 тысяч сом, это является значительной поддержкой. В остальном Фонд Каусар и культурное представительство Ирана занимаются похожей деятельностью, однако культурное представительство, по мнению эксперта – более опасно, потому что у него есть дипломатический статус, что позволяет им привозить своих имамов и вести работу скрытно. Кроме того, за деятельностью фонда стоит влиятельный университет Жаматуль-Мустафа, который создан по аналогии с египетским университетом Аль-Азхар.

По мнению эксперта, иранцы в Кыргызстане не представляют большой угрозы безопасности. В шиизме нет жихада и нет историй шахидов-смертников из числа шиитов. По шиитским правилам – пока все восемь самых больших иранских учёных муштахидов единогласно не подтвердят своё согласие, жихад не начнётся. Тем не менее, в Иране ислам – это большая часть политики. Главную опасность с геополитической позиции представляют действия по дестабилизации ситуации с целью разъединения глобального суннитского сообщества.

Западные протестантские церкви

Протестантские течения в Кыргызстане являются довольно популярными. Численность последователей у протестантских течений по некоторым данным составляет от 15 до 30 тыс. человек. Безопасность этих течений эксперты оценивают по разному. Как уже было отмечено в первой главе, распространение протестантских течений может расколоть общество по идейному и религиозному признаку, привести к распаду семей, «зомбированию» людей, обособлению самого религиозного сообщества, потере имущества и т.д. Проблемной зоной также являются конфликты, возникающие при захоронениях кыргызов и людей других национальностей Центральной Азии, поменявших веру и ставших христианами. Если факты распада семей и конфликтов в обществе констатировать легче, то юридически доказать, что людей зомбируют труднее – для этого нужна серьезная психиатрическая экспертиза, которая в Кыргызстане пока не практикуется. Другим настораживающим фактором является то,

что эти организации очень хорошо финансируются извне. Также извне оказывается методологическая поддержка и поддержка человеческими ресурсами.

Тем не менее, до сих пор члены этих организаций не были замечены в каких либо преступных деяниях. МВД вменяет им отказ нести военную службу (даже альтернативную) как правонарушение, однако суды в этом вопросе пока остаются на стороне протестантского сообщества. Представители организации Свидетелей Иеговы в г. Бишкек отмечают своё уважение ко всем другим религиям и невмешательство в политику: Священное Писание говорит о том, что власть – от Бога и необходимо подчиняться властям. Однако Аман Салиев считает, что хотя сейчас протестанты не вмешиваются в политику, дети, выросшие в этих семьях, будут со временем требовать большего. Эксперт рассказывает, что с тех пор как началось давление со стороны государства и появился запрет на открытую агитацию, последователи изменили тактику. Они перешли к конкретным делам: например, открывают языковые центры. Запрет только усилил их активность и перевёл их в другой режим работы. По мнению эксперта, деятельность церквей ведёт к «ливанизации» и дроблению общества.

Правозащитник Дмитрий Кабак считает, что конституция, гарантирующая свободу совести, - превыше всего, и государству необходимо принять популярность таких течений как факт и пытаться строить с ними отношения. К примеру, проблему захоронения прозелитов можно решить путём хорошего менеджмента и работы с обществом. В пример он приводит Чон-Арыкское кладбище, где с одной стороны захоронены мусульмане, а с другой – христиане, что абсолютно не противоречит исламским канонам. По его мнению, в большей степени конфликт раздувается представителями духовенства, призывающих запретить захоронения прозелитов. Это объясняется конкуренцией между конфессиями.

При вопросе обеспечения религиозной безопасности в сфере прозелитизма Кабак предлагает рассматривать успешные модели, которые существуют в мировой практике, как например модель Боснии, которая была выстрадана большими жертвами, и где сейчас один член семьи может быть христианином, а другой – мусульманином. Положительность этой модели Кабак видит в том, что вера одного из членов семьи считается его личным делом и непонимание практически отсутствует. По его мнению, конфликты, связанные с прозелитизмом, в большей степени возникают из-за стереотипов и ярлыков, и слабой информированности как государственных чиновников, так и населения в вопросах религии.

Индийский полуостров

Влияние, приходящее с Индийского полуострова, а точнее трёх стран – Индии, Пакистана и Бангладеша – представлено в основном движением Таблиг Жамат, который в Кыргызстане известен больше как Дават. Движение появилось в стране в середине 90-х годов и за короткое время обрело большую популярность и множество последователей. Одним из главных принципов движения, имеющих непосредственное отношение к вопросам безопасности, является принцип невмешательства в политику. Все эксперты, опрошенные в процессе исследования подтвердили, что Таблиг Жамаат в Кыргызстане не представляет угрозы безопасности в религиозной сфере.

Тем не менее, мнения экспертов различаются в оценке характеристик самого движения. Некоторые отмечают его исключительно положительное влияние, другие настроены более критично. Часто упоминаемые положительные качества включают работу с мусульманским сообществом на уровне простого населения, положительное реабилитационное влияние на людей с вредными привычками, а также деполитизацию большей части мусульманского сообщества. Главная критика заключается в том, что Таблиг Жамаат ограничен в росте и не предлагает возможности для интеллектуального мусульманского развития, что сами даватчики не обладают достаточным знанием в сфере религии, что в их среду могут затесаться представители других более радикальных течений, и что своим видом и одеждой они вызывают раздражение у более светской части населения.

Вопрос о Таблиг Жамаате возможно не стоял бы так остро, если бы Кыргызстан на сегодняшний день не являлся единственной страной в Центральной Азии, где это движение ещё не считается экстремистским и запрещённым. Так как существует рекомендация Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) о запрете Таблиг Жамаата, принятая и Россией и всеми соседями Кыргызской Республики, предполагается, что на Кыргызстан оказывается давление принять данную рекомендацию. До сих пор МВД и Государственная комиссия по делам религий стояли на позиции, что у них нет оснований считать Таблиг Жамаат экстремистской организацией, но их мнение может поменяться под давлением правительств соседних стран.

Больше половины экспертов, опрошенных в нашем исследовании, считают, что принятие такой рекомендации и запрет Таблиг Жамаата будет крайне неразумным шагом. Кадыр Маликов считает, что запретить Таблиг Жамаат – это «самоубийство»

для правительства Кыргызской Республики, потому что это движение является сегодня чуть ли не единственным мощным противовесом влиянию радикальных салафитских течений, и что, запретив дават, правительство останется «один на один с волками». Сегодня правительство не может себе этого позволить, так как своя религиозная база в стране практически отсутствует. Аман Салиев считает, что в течение трёх лет после запрета ситуация в Кыргызстане достигнет уровня критической, и начнут происходить террористические акты.

Результаты опроса экспертов, проанализированные в данной секции по основным религиозным влияниям, показали, что их мнения в отношении основных течений, рассматриваемых в данной работе, существенно не различаются:

- турецкое влияние на сегодня в целом рассматривается как позитивное и умеренное, хотя в более долгосрочной перспективе возможны политические сценарии по примеру современной Турции;
- влияние, приходящее из Саудовской Аравии и Сирии воспринимается как отрицательное, потенциально опасное и требующее особого внимания;
- иранское влияние воспринимается как очень незначительное и не представляющее угрозы; и
- западное влияние в виде деятельности протестантских евангелистских организаций не представляет угрозы безопасности, но имеет потенциал стать социально-деструктивным и привести к расколу в обществе, если правительство и администрация на местах не будут уделять достаточно внимания профилактике и урегулированию конфликтов на этой почве.
- Оценка же влияния, приходящего из Индии, Пакистана и Бангладеша, в основном в виде деятельности движения Таблиг Жамаата, оказалась неоднозначной. Хотя большинство экспертов согласилось, что Таблиг Жамаата не представляет угрозы ни правительству ни обществу, многие считают, что факт того, что Таблиг Жамаата запрещён в соседних странах в какой-то степени может повлиять и на позицию кыргызского правительства. Этот вопрос особенно важен в преддверии очередного заседания Совета Безопасности Кыргызской Республики, на котором, по мнению многих экспертов, вопрос о Таблиг Жамаата будет подниматься.

Таким образом видно, что вопрос с Таблиг Жамаат на сегодняшний день наиболее актуален и требует более глубокого изучения. Следующая глава исследования

посвящена анализу деятельности движения Таблиг Жамаат в Кыргызстане и более подробно сфокусирована на вопросах безопасности.

Данная глава основана на результатах интервью, проведённых в процессе этого исследования, а также на наработках и исследованиях, проводившихся одним из авторов данного исследования в прошлом. Исследователь на протяжении нескольких лет использовал традиционный антропологический метод включённого наблюдения, внедряясь в сообщество и пытаясь понять его изнутри. До 2011 г. он участвовал в ежедневной жизни даватческого сообщества в бишкекской мечети КАСИ, расположенной в парке Ата-Тюрк, регулярно выходил на 3-х дневные даваты и даже поучаствовал в 40-дневной поездке в Индию – родину Таблиг Жамаат. Также, будучи студентом, он был знаком с практикой Таблиг Жамаат в США и в Австралии. По результатам этих исследований автор опубликовал две научные статьи²⁷ в известных журналах мирового уровня и выступил на нескольких научных конференциях.

Так как история движения Таблиг Жамаат хорошо описана в других источниках, данная глава фокусируется только на вопросах безопасности в религиозной сфере. Глава анализирует структуру Таблиг Жамаат в Кыргызстане, принцип невмешательства в политику, взаимоотношения Таблиг Жамаата с обществом, связь кыргызского Таблиг Жамаата с внешним миром, и непосредственные заключения по вопросам безопасности.

Структура движения

Дават – это движение за возрождение Ислама, которое работает на уровне населения. Даватчики отказываются считать себя организацией, у них нет устава, они не зарегистрированы как отдельная религиозная организация. Тем не менее, их внутренняя структура довольно чёткая. Управление организацией происходит через иерархическую систему *машвары* (собрания). Самые важные решения принимаются на республиканской машваре, которая проходит раз в месяц. Следующий уровень – городская машвара, которая проходит раз в неделю. В Бишкеке она проходит в первой половине дня по вторникам. В тот же день в послеобеденное время происходит региональная машвара. Город Бишкек условно поделён на 4 региона с 4-мя

---

²⁷ Nasritdinov, E. «Spiritual Nomadism and Central Asian Tablighi Travelers», in S. Oushakine (ed.) Variety of Post-Colonialisms//Ab Imperio, Issue 2, 2012, pp. 145-167. Ismailbekova, A. and Nasritdinov, E. «Transnational Religious Networks in Central Asia: Structure, Travel and Culture of Kyrgyz Tablighi Jama'at»// Transnational Social Review, Volume 2, No.2, pp.177-195.

региональными мечетями (Центральная мечеть, мечеть КАСИ, мечеть Иман на ул. Ленинградская и мечеть на рынке Дордой). Решения, принятые на городской машваре, передаются на региональную машвару, на которой присутствуют представители всех мечетей, входящих в этот регион. В тот же день в вечернее время происходит машвара в каждой из Бишкекских мечетей. Машвара в индивидуальных мечетях проходит каждый день. Таким образом, все мечети города соединены в одну очень слаженную систему, и в течение одного дня решения по трём уровням спускаются до каждой мечети города. Однако эта связь не является односторонней. Каждую неделю своего рода отчёты о деятельности даватчиков в каждой индивидуальной мечети поднимаются по той же системе машвары, только уже «снизу вверх». Система машвары в других регионах и городах страны происходит по идентичной схеме, с возможными небольшими вариациями в зависимости от размера поселений.

Любая машвара состоит из двух частей: 1) *каргузари* – отчёт о проделанной деятельности, и 2) *таказа* – задачи. Машвары всех перечисленных выше уровней открыты для посетителей – любой желающий может присоединиться к проходящему собранию и высказать своё мнение. Руководит машварой *амир*. Нет такого понятия как постоянный амир – на каждой встрече избирается новый руководитель. Все обсуждаемые вопросы, озвученные отчёты и поставленные задачи фиксируются в общем журнале. Такого рода журналы есть в каждой мечети, они не являются секретными, а обычно лежат на книжных полках или подоконниках в свободном доступе. Данные журналы хорошо отражают деятельность даватчиков в целом.

Хотя даватчики не являются официально зарегистрированной организацией, они всё же имеют по крайней мере одно официальное представительство – отдел давата при ДУМК. Этот отдел осуществляет контроль за жамаатами, выходящими на дават на более длительные сроки – 40 дней и 4 месяца, а также решает другие административные вопросы. Каждый участник, планирующий такую поездку, обязан предоставить ДУМК справку с тремя подписями: 1) от родителей или супруги, подтверждающих, что они не имеют возражений; 2) от имама, подтверждающего, что данный участник является прихожанином мечети; и 3) из городского отделения милиции по месту проживания, подтверждающего, что данный участник не состоит на учёте в органах милиции, особенно как представитель экстремистской организации. Только при наличии всех подписей, отдел давата составляет окончательный список участников группы и заверяет его печатью. После того как список составлен, никто не имеет права присоединиться к группе в течение всей поездки.

Какие выводы могут быть сделаны по анализу структуры движения? Во-первых, анализ показывает, что данная структура позволяет производить чёткий и регулярный контроль деятельности участников. Например, в Бишкеке каждая мечеть находится под контролем региональной машвары, и все региональные мечети – под контролем городской машвары. Это позволяет лидерам регулярно контролировать и напоминать о соблюдении главных принципов давата, таких как невмешательство в политику. В целом же движение находится под контролем ДУМК. Во-вторых, структура давата основана на принципах открытости и демократичности. Отсутствует секретность. Регулярные участники движения знают друг друга, но на собраниях всегда присутствует и довольно большое число «случайных» слушателей. Такая открытость позволяет представителям государственных органов и силовых структур легко контролировать деятельность участников движения и быть в курсе обсуждаемых вопросов.

Принцип невмешательства в политику

Одним из главных принципов Таблиг Жамаат является невмешательство в политику. Данный принцип сформировался ещё основателем движения – мавляной Мухаммадом Ильясом Кандахляви – в контексте колониальной Индии. В то время шла активная антиколониальная борьба в стране, и представители других движений часто обращались к мавляне и его последователям с призывом присоединиться. Однако мавляна Ильяс категорически отказывался и запрещал это своим последователям. Он был не только исламским учёным, но и главой суфистского братства, а как известно, почти все формы суфизма далеки от политики. Он говорил, что проблемы мусульман невозможно решить политическими методами. Согласно его позиции, положение мусульманского сообщества и общества в целом могут улучшиться только по причине *ибадата*-поклонения, исправления морального поведения, и давата – призыва к религии. По этой причине правительства многих стран, где распространён Таблиг Жамаат, относятся к этому движению толерантно. Они понимают, что, будучи популярным среди населения, оно деполитизирует большую часть мусульманского сообщества. Именно по этой же причине, другие, более радикально настроенные мусульманские группы относятся к Таблиг Жамаат критично.

В Кыргызстане принцип невмешательства в политику является важной частью даватческой практики. Учитывая, что кыргызское общество в целом очень

политизировано, лидеры движения делают на этом принципе особое ударение. Каждый жамаат перед выходом на дават получает как минимум часовую инструкцию, включающую напоминание о невмешательстве в политику. Амиры (лидеры) жамаатов в течение всей поездки внимательно следят за тем, чтобы не было разговоров о политике. Те, у кого нет большого опыта, часто начинают обсуждать политическую ситуацию в стране. Такие разговоры обычно останавливаются амиром или другими опытными даватчиками. Более радикальные темы – такие как джихад или шариатское правление – запрещены категорически. Бывали случаи, когда представители салафитских течений присоединялись к жамаатам и пытались говорить и спорить на эти темы. Если таковые обнаруживаются, то они обычно сразу исключаются из группы.

В агрегате, дават более популярен среди простых слоёв населения. Однако, бытует мнение, что дават может проникнуть и в более «элитные» слои, включая чиновников, политиков и представителей силовых ведомств, и тем самым стать частью политики. Не секрет, что среди даватчиков есть так называемые *хаваз* жамааты, в которых выходят именно представители более богатой и влиятельной прослойки. Однако, такие люди обычно выходят с особым жамаатом только один раз. Это делается с целью создания более комфортной и привычной для них среды. Для многих чиновников первый раз становится и последним, он происходит больше с целью ознакомления с практикой. Те же, кто выходят и в дальнейшем, уже присоединяются к обычным жамаатам. Учитывая, что принцип невмешательства в политику распространяется на всех не зависимо от социального положения, получается, что дават деполитизирует и кыргызскую элиту.

Именно принцип невмешательства в политику становится одним из предметов разногласия с такими группами как салафиты, которые считают политику неотделимой от ислама, а многие даватческие практики, как например 3-дневные, 40-дневные и 4-месячные поездки *бидаятом* – нововведением. В связи с этим между даватчиками и салафитами есть определённая напряжённость, выражающаяся в спорах и в определённой конкуренции за влияние, этакой «борьбе за души». На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что именно даватчики являются главным барьером, останавливающим распространение

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что именно даватчики являются главным барьером, останавливающим распространение идей и практик салафизма в Кыргызстане.

идей и практик салафизма в Кыргызстане. В большинстве случаев этот эффект работает на уровне профилактики: так как группы даватчиков более открыты и доступны для общества, а также так как они более активны, возможность того, что обычный мусульманин раньше познакомится с их идеями намного больше, чем возможность того, что он познакомится с идеями более радикальных групп, которые менее открыты. К тому времени, когда он познакомится и с идеями салафитов, у него уже есть аполитическая даватческая база, которая может остановить его от принятия более радикальных идей. Но несмотря на это, некоторые мусульмане всё равно находят идеи салафитов более привлекательными и переходят в их «лагерь». Тем не менее, даватчики и на этом втором уровне часто стараются работать с такими людьми и переубедить их, пока не убеждаются, что это бесполезно и может привести к конфликту.

Таблиц Жамат и социум

Общественное мнение о даватчиках зачастую формируется по их внешнему виду и агитационной деятельности. В связи с тем, что сунна (пример пророка Мухаммада (сав)) является важной частью даватческой практики, многие даватчики стараются следовать сунне и в своём внешнем виде, отпуская бороду и облачаясь в одежду с длинными полами в индийско-пакистанском или в арабском стиле. Если другие течения внешне сильно не отличаются от окружающих, даватчики сразу выделяются. Даватчики много путешествуют и во время поездок останавливаются в мечетях, где они спят и едят на полу, и где нет возможности регулярно стирать и гладить одежду, поэтому многие выглядят неопрятно. Непривычный вид и неопрятность зачастую негативно воспринимаются окружающими.

Важной частью даватческой деятельности является агитация. В небольших группах они обходят дома и приглашают мусульман-мужчин в мечеть. То, что даватчики стучатся в двери, воспринимается жителями по-разному. Одни готовы слушать и даже идти в мечеть. Вторые относятся к этому без интереса и просто говорят, что у них нет времени. Третьи же воспринимают визиты даватчиков агрессивно, грозясь вызвать милицию.

Восприятие даватчиков в их собственных семьях также является интересной темой. Очень часто родители и родственники с опаской воспринимают изменения в человеке, который стал даватчиком. Также, многие приходят в ислам и даватческую

практику будучи женатыми. Их браки не формировались на основе общих религиозных ценностей и интересов, поэтому, когда муж внезапно становится религиозным и начинает выходить на дават, и призывать жену также следовать мусульманским канонам, многие жёны воспринимают это болезненно. В результате создаётся внутрисемейный конфликт, который может разрешиться 3-мя путями: 1) если взгляды становятся абсолютно несовместимыми, семьи могут распасться; 2) муж и жена со временем приходят к определённому компромиссу: жена сохраняет свои взгляды, а муж продолжает свою практику; и 3) жена тоже становится практикующей мусульманкой и также начинает выходить на дават, и ходить на женские талимы.

Важным в восприятии даватчиков является мнение, что у них нет религиозного образования, и что они учат других людей, сами не имея знаний. Это в большей степени является правдой, так как большинство участников движения – простые граждане Кыргызстана, которые никогда не обучались в медресе. На самом деле многие выходят на дават как раз для того, чтобы приобрести базовые знания в религии: основы верования, намаз, заучивание нескольких коротких сур Корана и изучение исламского этикета приёма пищи, сна, и омовения. Многие участники после обретения базовых знаний перестают выходить на дават, но продолжают читать намаз дома, ходить на жума намаз в мечеть и т.д. Для тех же, кто продолжает выходить на дават, знания расширяются через изучение хадисов по двум основным книгам, используемых даватчиками: «Фазаил Амаль» и «Избранные хадисы», иногда также используется книга «Истории сахабов». Во время поездок участники проводят минимум 2,5 часа на талиме. Они также пополняют практические исламские знания и обмениваются информацией и историями в течение всего дня. Отсутствие расширенной базы знаний компенсируется методикой даватчиков. Когда ведётся проповедь или агитация, даватчики строят свою речь вокруг шести главных концепций, который они называют шестью сифатами (качествами): вера, намаз, знание/зикр, отношения с мусульманами, искренность намерения и дават-призыв. Эта схема с базовыми определениями по всем пунктам заучивается во время талимов, и неопытным даватчикам строго рекомендуется не выходить из этой простой схемы и не говорить ничего лишнего.

Кроме того, с течением времени увеличивается количество даватчиков, получивших полноценное религиозное образование. Каждый год увеличивается число выпускников медресе и исламских институтов, которые во время учёбы и по её окончании участвуют в давате. Согласно одному из лидеров движения, руководителю

медресе в жилищном массиве Арча-Бешик Сираждиину-домле, в Кыргызстане сейчас проживает уже более 150 исламских учёных-даватчиков.

Понять все вышеупомянутые социальные конфликты, связанные с внешним видом, агитацией, внутрисемейными разногласиями и нехваткой знаний, можно, вписав их в целый ансамбль других социальных трансформаций, через которые проходит Кыргызстан в постсоветское время. На сегодняшний день существует довольно сильная разница между разными поколениями в том, как они воспринимают религию. Самые старые люди, которые жили ещё в ранее советское время, были воспитаны в довольно религиозной среде, как бы «возвращаются» в религию. Религиозная практика придаёт им ещё больший авторитет, и не секрет, что ближе к смерти многие люди становятся более религиозными. Поколение же пожилых людей, которые выросли и прожили большую часть своей жизни под влиянием советской идеологии, наименее восприимчиво к новым религиозным идеям. Именно они наиболее критично относятся к даватчикам. Третье поколение можно назвать транзитным – это люди, родившиеся в советское время, однако повзрослевшие в постсоветский период. Они более открыты и к религии и к давату чем старшее поколение. И наконец, самое молодое поколение Кыргызстана, которое не было подвержено влиянию советской идеологии, является самыми открытыми к религиозным идеям. На сегодняшний день основную массу даватчиков составляют именно представители самого молодого и транзитного поколений.

Соответственно, трудность восприятия даватчиков можно понимать как конфликт между поколениями, который характерен для многих обществ, живущих в переходный период. Но необходимо отметить, что по мере того, как переходный период заканчивается, многие из этих конфликтов разрешаются сами собой. К примеру, молодые люди уже выбирают супругов по схожим религиозным интересам, и идеологических конфликтов в их семьях уже не бывает. Кроме того, большая часть населения уже привыкла к даватчикам и просто не обращают на них особого внимания.

Однако дават имеет также много позитивного влияния на общество и на семьи. Кадыр Маликов считает дават своего рода реабилитационным центром для людей с различного рода зависимостями, такими как алкоголь или наркомания. Дават

Трудность восприятия даватчиков можно понимать как конфликт поколений, характерный для многих обществ, живущих в переходный период

позволяет людям оторваться от привычной пагубной среды, обрести новых друзей, провести длительную поездку, в течение которой можно побороть свои вредные привычки. Существует большое количество примеров того, как люди исправлялись и становились более полноценными членами своих семей и общества в целом.

Также существует много примеров того, как дават положительно влияет на межэтнические отношения. Это происходит на трёх уровнях: во-первых, путешествующие жамааты формируются из представителей различных национальностей, которые в течение всей поездки находятся в близком контакте, часто становясь очень хорошими друзьями. Во-вторых, жамааты путешествуют в сёла, где живут представители разных национальностей, например дунганские или узбекские поселения, и там активно общаются с местным населением. В третьих, даватчики различных национальностей активно участвуют в ежедневной жизни и даватческой деятельности своих мечетей. Центральная мечеть г. Бишкек – яркий тому пример.

Этнический конфликт 2010 г. на юге Кыргызстана тоже показывает, как дават помогает предотвращать и реагировать на кризисную ситуацию. К примеру, общеизвестно, что около 50-ти даватчиков отправились на юг Кыргызстана в первые дни конфликта и активно призывали население к миру. Сравнительный анализ конфликтов в трёх южных городах - Ош, Джалалабад и Узген – также позволяет сделать интересные выводы. Как известно, конфликт произошёл не между городскими кыргызами и узбеками, а между сельскими кыргызами и городскими узбеками. Теперь рассмотрим ситуацию с даватом. На юге дават наиболее популярен среди кыргызского населения, в то время как узбеки включались в эту практику очень неактивно. Исключением является г. Узген, где даватчики очень активны, и в основной массе это узбеки. Даватческая практика путешествий позволяет налаживать хорошие связи между селом и городом. То же самое на протяжении многих лет происходило и в Узгене: городские узбеки-даватчики путешествовали в соседние кыргызские сёла, а кыргызские даватчики из сёл регулярно приезжали и находились в узбекских мечетях в Узгене. Можно предположить, что эти многолетние связи между селом и городом помогли предотвратить этнический конфликт в Узгене. В Оше и Джалалабаде ситуация была совсем другая: в дават вовлекались в основном кыргызы, и поэтому такой сильной связи между городскими узбеками и сельскими кыргызами как в Узгене в этих городах не было.

В заключении данной секции можно сделать вывод, что говоря о влиянии Таблиг Жамаат на общество можно выявить и негативные и позитивные аспекты. Негативные моменты проявляются в конфликте с более светской частью населения. Однако этот конфликт является больше межпоколенческим и характерным для общества в переходный период. По мере того, как проходит время, он становится всё менее и менее актуальным. В то же время, дават оказывает много позитивного влияния на общество и индивидуальные семьи в сфере борьбы с разного рода зависимостями, в исправлении общественной морали, в налаживании связей между представителями различных национальностей и интеграции города и села. Мнения авторов и мнения многих экспертов совпадают в том, что когда мы взвешиваем отрицательное и положительное влияния, плюсы существенно перевешивают.

Кыргызстанский дават в международном контексте

Движение Таблиг Жамаат зародилось в Индии, в районе Меват недалеко от Дели, в 20-х годах прошлого столетия. С тех пор оно распространилось по всему миру и сейчас присутствует почти во всех странах. Однако главными центрами движения до сих пор остаются Индия, Пакистан и Бангладеш. В Индии центр находится в г. Нью Дели, в районе Низамуддин. В Пакистане центр находится в г. Райванд, а в Бангладеше – в столице, г. Дакка. В Райванде и Дакке проводятся *иштимаи* (съезды) куда съезжаются сотни тысяч последователей Таблиг Жамаат со всего мира.

В 90-х даватчики из Кыргызстана чаще ездили в Пакистан, где визу можно было получить по прибытии. Примерно с 2002 г. был введён более строгий визовый режим, путешествовать стало сложнее, и больше даватчиков стали ездить в Индию и Бангладеш. Один из авторов данного исследования также присоединился к 40-дневной поездке в Индию в декабре 2010 г. В течении этой поездки он побывал в городах Дели и Бопал. В Индии мусульманское население является меньшинством, и, учитывая исторически конфликтную ситуацию между мусульманами и индусами, индийские даватчики в течение последних 90 лет выработали свои стратегии выживания. Они пытаются не привлекать внимания, не вовлекаться в конфликты, и, конечно же, не вмешиваться в политику. Во время своих поездок, кыргызские даватчики учатся многим из этих стратегий у индийских «коллег». Они также «набираются» интересных историй, которыми делятся по приезду в Кыргызстан. Их поездки в Индии проходят по тем же правилам, что и поездки в Кыргызстане.

Корни индийского Таблиг Жамаат находятся в Деобандской школе, которая основана на ханафитском масхабе, мутаридской акыде и суфитском тарикате, которые пришли в Индию из древней Бухары ещё с династией Моголов, и соответственно полностью схожа с традиционной исламской школой Центральной Азии.

Интересен вопрос финансирования в Таблиг Жамаат. Одним из главных правил является то, что каждый участник оплачивает свои поездки сам, как внутри страны, так и при поездке за границу. Можно с полной уверенностью утверждать, что в отношении Таблиг Жамаат в Кыргызстане отсутствует какое-либо финансирование их деятельности извне.

Таблиг Жамаат и безопасность в Кыргызстане

Какое отношение к Таблиг Жамаату у спецслужб в других регионах мира? Почти во всех западных странах (США, Канада, Европейские страны, Австралия) Таблиг Жамаат не запрещён, и его последователи свободно осуществляют свою деятельность. Один из авторов наблюдал практику Таблиг Жамаат в США и в Австралии, а также общался с последователями Таблиг Жамаат из многих других стран мира. Принцип их деятельности мало чем отличается от того, как Таблиг Жамаат осуществляется в Кыргызстане. Показательный случай в Австралии хорошо описывает отношение спецслужб к этому течению. В 2005 г. в одно и тоже время проходил Австралийский иштимай (съезд) Таблиг Жамаат и исламская конференция в Университете Мельбурна. На университетскую конференцию были приглашены шесть известных исламских учёных, половине из которых австралийское правительство отказало в визах. В то же время, иштимай посетили больше 10-ти делегаций иностранных жамаатов, каждая из которых состояла по 8-10 человек. Все эти представители получили визы и посетили Австралию. Общеизвестно, что представители спецслужб регулярно посещают собрания Таблиг Жамаат под видом обычных слушателей и находятся в курсе всех событий, и запрет на деятельность этого течения сделал бы такой контроль намного сложнее. Таблиг Жамаат даже разрешён в Израиле, где спецслужбы конечно же делают свою домашнюю работу и внимательно следят за исламскими организациями. Также Таблиг Жамаат разрешён и в большинстве мусульманских стран Юго-Восточной Азии, включая Малазию, Индонезию, Пакистан и Бангладеш.

Весной 2012 г. Муфтий Кыргызской Республики Р. Эгембердиев отправил запрос в Международную исламскую академию фикха с просьбой дать оценку деятельности

Таблиг Жамаат. Он получил ответ от муфтия Мухаммада Таки Усмани, председателя Шариатского совета Бахрейна, члена Международной исламской академии фикха, Вице-президента Университета Даруль-Улюм, со следующим содержанием:

Джамаат, известный как «Джамаат Таблиг», который стремится религиозно воспитывать мусульманский народ напominаниями и руководством джамаатов и отдельных людей о столпах религии и его учениях: единобожии, послании, загробной жизни, исполнения религиозных обрядов, мирного сосуществования и тому подобные положения о его терпимости. Джамаат предпринимает похвальные усилия, т.к. неустанно направляет свои силы в указанные области во многих уголках мира. И их прекрасные результаты видны в мечетях, построенных молящимися, и расширении устойчивой религиозной среды во многих странах, в которых пламя веры утихает в сердцах их сыновей. Всё это соразмерно сопротивлению любого народного органа, либо административного учреждения, а также избегает какого-либо политического вмешательства.

Таким образом, с учётом услуг, представляемых в области давата, а также той видной роли, которую он играет в религиозном воспитании, мы видим что он достоин того, что не препятствовать его деятельности, и помочь в достижении его благородных целей.

Важно подчеркнуть упоминание «устойчивой» религиозной среды, соразмерности сопротивлению административного учреждения и невмешательства в политику.

На сегодняшний день Таблиг Жамаат запрещён в Российской Федерации и в соседних с Кыргызстаном странах Центральной Азии - Казахстане, Узбекистане и Таджикистане. Существует рекомендация ОДКБ к признанию Таблиг Жамаат экстремистской организацией. Однако, проанализировав ситуацию в соседних республиках и в России, можно понять, что запрет на деятельность этого течения не принёс там положительных результатов. Например, в Казахстане за последнее время сильно активизировались экстремистские салафитские течения; часто происходят теракты, новости о которых не просачиваются в прессу; большие группы казахских джихадистов воюют в Сирии; и правительство, несмотря на свою силу, не в состоянии урегулировать ситуацию.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- Таблиг Жамаат в Кыргызстане не представляет угрозы ни правительственному строю, ни общественной безопасности страны. Несущественные социальные

разногласия, вызванные внешним видом и агитацией Таблиг Жамаат, сполна перекрываются позитивным влиянием на общество.

- Наоборот, Таблиг Жамаат является в какой-то степени гарантом стабильности и устойчивости в религиозной сфере, так как активно пропагандирует традиционный Центрально-Азиатский ислам ханафитского масхаба, а также эффективно деполитизирует большую часть мусульманского населения страны и противодействует распространению более радикальных исламских идей и течений.
- Запрет Таблиг Жамаат в Кыргызстане поставит правительство Кыргызской Республики в очень сложные условия, и буквально в течение 2-3-х лет ситуация может стать очень критической как для правительства, так и для общества в целом, в связи с активизацией более радикальных течений.
- Вместо того, чтобы запрещать Таблиг Жамаат, правительству намного выгоднее видеть в его многочисленных последователях союзников и сотрудничать с лидерами движения во благо стабилизации ситуации в стране посредством регулирования и контроля деятельности движения.

Глава 6: Выводы и рекомендации

Данное исследование использовало политологические, социологические и антропологические методы для изучения ситуации с рисками и угрозами в сфере религиозной безопасности в Республике Кыргызстан. Изучив отечественную и мировую литературу, опросив 15 экспертов и представителей религиозных течений, 200 жителей г. Бишкек, и инкорпорируя многолетние наработки одного из авторов по исследованиям движения Таблиг Жамаат, авторы пришли к следующим основным выводам и рекомендациям.

Выводы

1. Ситуация в Кыргызской Республике:

- 1.1. Ситуацию в сфере религиозной безопасности в Кыргызской Республике можно назвать сложной, многогранной и неоднозначной. Многогранность имеет свои положительные стороны и свои вызовы для современного кыргызстанского общества и для правительства республики.
- 1.2. Когда мы суммируем все плюсы и минусы, мы видим, что последние двадцать лет сравнительного демократического развития принесли стране больше позитивного роста, нежели угроз.
- 1.3. На сегодняшний день в Кыргызстане существует развитое и активное религиозное сообщество, различные члены которого находятся в конструктивном противостоянии и конкуренции друг с другом, что создаёт атмосферу здорового плюрализма.
- 1.4. В то же время отсутствует противостояние между религиозными сообществами и государством. На сегодняшний день в республике отсутствуют религиозные группы, выступающие против государственного строя. Однако появляются течения, которые в потенциале могут трансформироваться в более радикальную оппозицию правительству и представлять угрозу для общества.
- 1.5. То, как эти и другие группы будут развиваться в будущем, напрямую зависит от государственной политики в сфере религии и религиозной безопасности.

2. Государственная политика:

2.1. В целом, государственная политика в сфере религии оценивается положительно. Демократический подход и отсутствие репрессий, имеющих место в соседних странах, являются преимуществом, которое следует поддерживать и извлекать из него максимум выгоды для правительства и общества.

2.2. Однако, в государственной политике существуют и пробелы, а именно:

2.2.1. Отсутствует межведомственная работа по борьбе с рисками и угрозами безопасности;

2.2.2. Правительство плохо информировано о ситуации в религиозном секторе. Наблюдается нехватка исследовательских центров, которые бы занимались изучением процессов в религиозном сообществе.

2.2.3. Очень слабо идёт работа по развитию собственных кадров – теологов, способных активно включаться в жизнь сообщества, давать ответы на актуальные вопросы и стирать разногласия между конфессиями и различными течениями внутри конфессий.

2.2.4. Одним из острых и нерешённых вопросов остается конституционность законов о свободе вероисповедания и религиозном образовании. Правозащитники считают, что эти законы являются антиконституционным и дискриминирующими права граждан Кыргызской Республики.

2.2.5. Отсутствует конструктивная модель сотрудничества между государством и религиозным сообществом.

3. Основные религиозные влияния:

3.1. Исследование рассмотрело пять основных религиозных влияний по их географическому происхождению: влияния Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Сирии, стран Индийского полуострова и западных стран.

3.1.1. Турецкое влияние на сегодняшний день в целом рассматривается как позитивное и умеренное, хотя в более долгосрочной перспективе возможно развитие политических сценариев по примеру современной Турции.

3.1.2. Влияние, приходящее из Саудовской Аравии и Сирии, воспринимается как отрицательное, потенциально опасное и требующее особого внимания;

3.1.3. Иранское влияние воспринимается как очень незначительное и не представляющее угрозы на сегодняшний день; и

3.1.4. Западное влияние, в виде деятельности протестантских евангелистских организаций, видится как не представляющее угрозы безопасности на данный момент, но имеющее потенциал иметь социально-деструктивные последствия и привести к расколу в обществе, если правительство и администрация на местах не будет уделять достаточно внимания профилактике и урегулированию таких конфликтов.

3.1.5. Оценка же влияния, приходящего из Индии, Пакистана и Бангладеша, в основном в виде деятельности движения Таблиг Жамаат, требует особого внимания. Результаты показали, что:

3.1.5.1. Таблиг Жамаат в Кыргызстане не представляет угрозы ни правительственному строю, ни общественной безопасности страны. Несущественные социальные разногласия, вызванные внешним видом и агитацией Таблиг Жамаат, сполна компенсируются позитивным влиянием на общество.

3.1.5.2. Наоборот, Таблиг Жамаат является в какой-то степени гарантом стабильности и устойчивости в религиозной сфере, так как активно пропагандирует традиционный Центрально-азиатский ислам ханафитского масхаба, а также эффективно деполитизирует большую часть мусульманского населения страны и противодействует распространению более радикальных исламских идей и течений.

На основе данных выводов, авторы разработали следующие рекомендации правительству Кыргызской Республики для дальнейшей поддержки стабильности в сфере религиозной безопасности и предотвращения потенциальных конфликтов.

Рекомендации

1. Правительству Кыргызской Республики необходимо сохранить уникальность своей демократической модели государственности в отношении религии и конструктивно использовать тот позитив, который характеризует развитие в религиозном секторе за годы независимости.
2. Категорически не рекомендуется переходить на репрессивные меры, популярные в соседних странах, потому что это приведёт только к обратному эффекту – радикализации религиозного населения и дальнейшему росту протестных настроений, что сделает позиции правительства ещё более уязвимыми.

3. Наоборот, необходимо искать пути сотрудничества между государством и религиозным сообществом. Для этого можно предложить следующее:
  - 3.1. Необходимо глубоко изучать религиозное сообщество в целях поиска точек соприкосновения и потенциального сотрудничества.
    - 3.1.1. В рамках этой рекомендации предлагается организовать исследовательские центры и проводить глубинные исследования с использованием социологических и антропологических методов, включающих внедрение в сообщество и изучение его «изнутри».
  - 3.2. Необходимо распознавать религиозные группы, которые оказывают положительное влияние на ситуацию в стране и, если не поддерживать их, то, по крайней мере, не мешать им работать в позитивном направлении в контексте естественной здоровой конкуренции с более радикальными группами.
    - 3.2.1. Эта рекомендация, прежде всего, касается течения Таблиг Жамаат. Категорически не рекомендуется запрещать деятельность этой организации и включать её в список экстремистских, так как это приведёт к резкому усилению более радикальных групп и к обострению ситуации, с возможными очень негативными сценариями. Правительству намного выгоднее видеть в его многочисленных последователях союзников и сотрудничать с лидерами движения во благо стабилизации ситуации в стране посредством регулирования и контроля деятельности движения.
  - 3.3. Необходимо строить свою теологическую базу из хорошо подготовленных специалистов, которые могли бы стать лидерами религиозных сообществ и успешно конкурировать с влияниями извне.
  - 3.4. Необходимо строить конструктивные площадки, на которых лидеры и участники различных конфессий вовлекались бы в совместную деятельность на благо общества и тем самым размывали границы.
  - 3.5. Государственная комиссия по делам религий должна стать ведущим органом, который объединяет различные религиозные группы и служит мостиком между ними и правительством. Это возможно только через язык сотрудничества и взаимопонимания, и ни в коем случае не конфронтации и репрессии.
4. Необходимо создать межведомственный орган, который координировал бы ситуацию в религиозной сфере и объединял бы усилия различных министерств, организаций гражданского общества и самих религиозных сообществ.

5. И наконец, важно культивировать позитивную атмосферу и конструктивный облик религии как важной части жизни не только индивидуума, но и всего общества в целом.

Библиография

Sergei Abashin. «The Logic of Islamic Practice: a religious conflict in Central Asia»// Central Asian Survey, Vol. 25, Issue 3, 2006.

Balci, B. «The rise of the Jama'at al Tabligh in Kyrgyzstan: the revival of Islamic ties between the Indian subcontinent and Central Asia?» // Central Asian Survey, Vol. 31, Issue 1, 2012.

Cennet Engin Demir, Ayse Balci, and Fusun Akkok. «The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Kyrgyzstan and Turkmenistan» // Central Asian Survey, Vol. 19, Issue 1, 2001.

Farideh Heyat. «Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new woverty and the moral dimension»// Central Asian Survey, Vol. 23, Issue 2-4, 2004.

Alisher Khamidov. «The Lessons of the 'Nookat events': central government, local officials and religious protests in Kyrgyzstan»// Central Asian Survey, Vol. 32, Issue 2, 2013.

Stefan B. Kirmse. «In the marketplace for styles and identities: globalization and youth culture in southern Kyrgyzstan»// Central Asian Survey, Vol. 29, Issue 4, 2010.

McBrien, J., and Pelkmans, M. «Turning Marx on his head: missionaries, 'extremists' and archaic secularists in post-Soviet Kyrgyzstan»// Critique of Anthropology, Vol. 28, Issue 1, 2008, pp. 87-103.

Montgomery, D. and J. Heathershaw, Islam, Secularism and Danger: A Reconsideration of the Link between Religiosity, Radicalism, and rebellion in Central Asia, unpublished paper.

David W. Montgomery. «Towards a theory of the rough ground: merging the policy and ethnographic frames of religion in the Kyrgyz Republic»//Religion, State and Society, Vol. 42, Issue 1, 2014.

Pelkmans, Mathjis. «Asymmetries on the 'religious market' in Kyrgyzstan», in Hann , Chris (ed.) The Postsocialist Religious Question: Faith and Power in Central Asia and East-Central Europe, Lit Verlag, Berlin, 2006.

Mathjis Pelkmans. «'Culture' as a tool and an obstacle: missionary encounters in post-Soviet Kyrgyzstan»// Journal of the Royal Anthropological Institute, Vol. 13, Issue 4, December 2007.

Yaacov Ro'i and Alon Wainer. «Muslim identity and Islamic practice in post-Soviet Central Asia»// Central Asian Survey, Vol. 28, Issue 3, 2009.

Ghonchen Tazmini. «The Islamic revival in Central Asia: a potent force or a misconception?»// Central Asian Survey, Vol. 20, Issue 1, 2010.

Jessica N. Trisko, «Coping with the Islamist threat: analyzing repression in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan»// Central Asian Survey, Vol. 24, Issue 4, 2005.

Маликов К.К. Краткое пособие по Исламу. Бишкек. 2013 г.

Маликов К.К. «Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «Мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства»// IslamRF.ru, 27 марта 2008 г. (<http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/2218/>).

Мамытова Э. «Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии» // Центральная Азия и Кавказ, №. 5, 2000 г.

Обзор соблюдения свободы вероисповедания в Кыргызской Республике/Под ред. А. Алишевой. – Б.; 2013.

Акылбек Салиев. «О роли религии в борьбе с религиозным экстремизмом» // Минарет, № 1-2 (19-20), 2009. (http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/19-20/saliev.htm?)

Усубалиев Э. «Джихадизм в Казахстане и Кыргызстане в контексте геополитических сценариев в Центральной Азии»// Аналитический центр Разумные Решения, 25 ноября 2011 г. (<http://analitika.org/international-affairs/security/1-20111125011819912.html>).

Шайбекова Ж. «Религия в Кыргызстане: путь к духовности или угроза экстремизма? (обзор)»//АКИpress, 30 ноября 2009 г. (<http://kg.akipress.org/news:146831>).